ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ – ВІЛЬНА СПІЛКА

ОПЫТЪ
украинской политико-соціальной программы

СВОДЪ И ОБЪЯСНЕНІЯ

(Первоначально напечатано отдѣльной брошюрой. Женева. 1884.)

ОПЫТЪ
украинской политико-соціальной программы

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Съ 1876 г. изданіе украинскаго сборника „Громада“ и рядомъ съ нею брошюръ на русскомъ и французскомъ языкѣ, а потомъ газеты „Вольное Слово“ и другихъ публикацій, въ которыхъ мы постоянно доказывали необходимость организованнаго общественнаго движенія для установленія въ Россіи политической свободы, привело насъ въ столкновеніе, помимо нашихъ ближайшихъ политическихъ друзей и земляковъ, съ разнообразными элементами изъ населеній Россіи. Люди разныхъ племенъ, классовъ и политико-соціальныхъ направленій высказывали намъ свои соображенія по затрагиваемымъ въ нашихъ публикаціяхъ общественнымъ вопросамъ, а равно вызывали насъ на дальнѣйшее изложеніе нашихъ мнѣній, требуя отъ насъ болѣе или менѣе подробной политико-соціальной программы, приспособленной къ практическимъ условіямъ настоящаго положенія Россіи. Нѣкоторые сообщали намъ свои наброски подобныхъ программъ. Наконецъ, слѣдя за мнѣніями, какія высказывались съ 1878 г. въ различныхъ земскихъ собраніяхъ, какъ объ общемъ положеніи Россіи, такъ и по вопросу о т. наз. мѣстномъ управленіи, мы часто встрѣчали какъ подтвержденіе нашихъ политическихъ соображеній, такъ и дополненія къ нимъ или выраженія ихъ въ болѣе практической формѣ. Напечатанная въ концѣ прошлаго года и распространившаяся въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ „Политическая Программа Земскаго Союза“, которая въ зна-

чительной степени есть ничто иное, какъ только систематическій сводъ отдѣльныхъ положеній и желаній, высказанныхъ въ упомянутыхъ собраніяхъ, въ свою очередь послужила намъ поводомъ къ собиранію различнаго рода политическихъ соображеній. Хотя эта программа составлена была не нами, а людьми, поставленными въ болѣе непосредственное, чѣмъ мы, соприкосновеніе съ практическою жизнью, но такъ какъ она была опубликована въ связи съ газетою, въ которой мы принимали дѣятельное участіе и такъ какъ основныя положенія ея согласны съ тѣми, которыя мы развивали въ нашихъ публикаціяхъ, то многія лица обратили къ намъ свои замѣчанія по поводу этой программы.[1]

Такимъ образомъ у насъ составился извѣстный запасъ политико-соціальныхъ соображеній, общихъ намъ съ нашими читателями, продуктъ столько же индивидуальной, сколько и коллективной работы мысли, возбужденной положеніемъ Россіи въ послѣдніе годы. Намъ показалось, что напечатаніе систематическаго свода этихъ соображеній было бы нелишнимъ, хотя бы только для того, чтобъ послужить поводомъ для дальнѣйшаго обсужденія вопросовъ, смѣемъ думать, довольно важныхъ, при настоящемъ положеніи Россіи, уже потому, что они возникли не въ фантазіи одного-другого индивидуума, а возбуждены самою жизнью въ умахъ значительнаго количества самыхъ разнообразныхъ индивидуумовъ. Вопросы эти касаются основъ политическаго переустройства Россіи и необходимѣйшихъ для нея соціально-экономическихъ реформъ. Для удобства обсужденія этихъ вопросовъ, мы раздѣлили наше ихъ изложеніе на двѣ части: въ первой мы поставили рядъ категорическихъ положеній, которыя могутъ быть вѣрны, или невѣрны независимо отъ нашего умѣнья поддержать ихъ своими аргументами; въ другой самые эти аргументы въ поддержку тѣхъ положеній, которыя требуютъ разъясненія или которыя, какъ мы знаемъ по опыту изъ предварительнаго обмѣна мыслей нашихъ съ разными лицами, встрѣчаютъ извѣстныя возраженія.

[1] Читатель увидитъ дальше, что мы почти буквально воспроизводимъ многія статьи этой программы.

Несмотря на то, что мы пользовались политическими соображеніями лицъ изъ разныхъ концовъ Россіи, и несмотря на наше глубокое убѣжденіе, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время невозможно практическое движеніе впередъ никакой отдѣльной части Россіи безъ движенія всѣхъ ея частей и общей политической реформы всего этого государства, мы однакожъ не рѣшились придать нашей полѝтико-соціальной программѣ даже внѣшнюю форму программы всероссійской, а предлагаемъ ее какъ опытъ программы, приспособленной къ краю, наиболѣе намъ извѣстному. Это — области, населенныя преимущественно украинскимъ или малорусскимъ племенемъ, отъ восточныхъ уѣздовъ Царства Польскаго до предгорій Кавказа.

Истинно всероссійская программа, равно какъ истинно всероссійская политическая организація, можетъ, по нашему мнѣнію, явиться только какъ совокупность извѣстныхъ областныхъ программъ и какъ союзъ стоящихъ за ними областныхъ организацій. А потому наиболѣе насущнымъ въ настоящее время вопросомъ въ дѣлѣ добыванія для населеній Россіи политической свободы мы считаемъ устройство таковыхъ организацій, областныхъ политическихъ обществъ, которыя бы собрали подъ знамя извѣстныхъ политико-соціальныхъ требованій возможно большее количество лицъ и кружковъ своихъ областей и затѣмъ вошли бы въ связь между собою для совокупнаго дѣйствія, направленнаго къ преобразованію Россіи согласно этимъ требованіямъ. Предлагая, подъ вліяніемъ вышесказаннаго убѣжденія, на широкій публичный судъ, прежде всего жителей украинскихъ областей, сводъ политико-соціальныхъ требованій, которыя раздѣляются уже извѣстнымъ количествомъ индивидуумовъ, мы сочли наиболѣе удобнымъ и изложить ихъ въ формѣ проекта устава такого рода политическаго общества, для котораго, по настоящему положенію Украйны и сосѣднихъ съ нею областей, мы считаемъ наиболѣе соотвѣтственнымъ имя Вільна Спілка, Вольный Союзъ. Основныя идеи такого общества вполнѣ соотвѣтствуютъ преданіямъ украин-

скаго населенія и даже въ болѣе темныя времена стремились проявиться въ организованномъ видѣ, напр., въ Обществѣ Соединенныхъ Славянъ 1824—25 гг. и въ кружкѣ друзей Шевченка, извѣстномъ подъ именемъ Кирилло-Меѳодіевскаго Братства въ 40-е годы. Въ настоящее время необходимые элементы для такого общества существуютъ на Украйнѣ и даже находятся въ дѣйствіи въ различныхъ сферахъ общественной жизни, какъ самостоятельно, такъ и въ видѣ участниковъ въ другихъ политическихъ группахъ. Имъ недостаетъ только прочной спеціальной организаціи, которая одна только можетъ обезпечить систематичность, а потому широту и успѣшность дѣятельности. Мы сочтемъ свою задачу исполненною и даже съ успѣхомъ, если настоящій проектъ нашъ послужитъ для упомянутыхъ элементовъ поводомъ для выработки окончательной программы, которую составители ея, находящіеся въ самой странѣ, станутъ осуществлять, уже какъ вполнѣ свое собственное созданіе.

Р. 279-1/29

I.

ПРОЕКТЪ

ОСНОВАНІЙ УСТАВА УКРАИНСКАГО ОБЩЕСТВА

„ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ“ — „ВІЛЬНА СПІЛКА“.

Часть I.

О цѣляхъ общества.

I. Въ земляхъ, населенныхъ украинскимъ племенемъ, должно быть основано общество „Вільна Спілка“ — „Вольный Союзъ“, которое поставитъ себѣ задачею работу для политическаго, экономическаго и культурнаго освобожденія и развитія украинскаго народа и живущихъ среди него иноплеменныхъ колоній.

Примѣчаніе. Такъ какъ украинскій народъ живетъ въ разныхъ государствахъ: въ Россіи, въ Австріи (въ Галиціи и Буковинѣ) и въ Венгріи (въ восточныхъ комитатахъ) при различныхъ политическихъ условіяхъ (хотя и при значительно сходныхъ условіяхъ соціальныхъ и культурныхъ) — то въ каждой изъ этихъ политическихъ областей пріемы общественной дѣятельности должны быть различны. Поэтому въ каждой изъ вышеупомянутыхъ украинскихъ областей должны быть образованы и особыя политическія общества, скорѣе вполнѣ самостоятельныя, чѣмъ отдѣлы одного и того же, которыя, впрочемъ, по самой силѣ вещей должны будутъ прійти въ соглашеніе между собою относительно извѣстной солидарности въ дѣйствіяхъ и взаимной помощи.

Настоящій проектъ, выработанный при участіи украинцевъ россійскихъ, имѣетъ въ виду почти исключительно Украйну россійскую же.

II. „Вольный Союзъ“ долженъ стремиться къ достиженію своихъ цѣлей въ согласіи съ подобными ему обществами среди другихъ народовъ, интересы которыхъ соприкасаются съ интересами украинскаго народа.

Примѣчаніе. Для удобнѣйшаго достиженія такого согласія „Вольный Союзъ“ долженъ принимать въ число своихъ членовъ лицъ разныхъ національностей, основывать свои отдѣлы въ украинскихъ колоніяхъ среди другихъ племенъ и содѣйствовать образованію подобныхъ ему обществъ среди народовъ, интересы которыхъ связаны съ интересами украинскаго народа.

III. Важнѣйшей задачей „Вольнаго Союза“ въ Россіи въ настоящее и ближайшее время должна быть работа для преобразованія этого государства на началахъ политической свободы, приблизительно на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Подъ словами — политическая свобода должно разумѣть:

А. Права человѣка и гражданина:

а) Неприкосновенность тѣла для позорныхъ наказаній и смертной казни.

б) Неприкосновенность личности и жилища для полиціи безъ судебнаго постановленія.

Примѣчаніе I. Въ случаѣ поимки кого-либо на мѣстѣ преступленія всякій можетъ арестовать виновнаго, но долженъ тотчасъ же передать его въ руки судебной власти.

Примѣчаніе II. Никто не долженъ быть судимъ судомъ чрезвычайнымъ. Уголовный судъ, кромѣ мирового, долженъ быть судомъ съ присяжными.

в) Неприкосновенность частныхъ писемъ и телеграммъ.

г) Свобода выбора мѣста жительства и занятій.

д) Неприкосновенность національности (языка) въ частной и публичной жизни.

е) Свобода совѣсти (вѣры и невѣрія) и всякаго публичнаго богослуженія и обрядовъ, не противныхъ общественному стыду.

Примѣчаніе. Изъ этой свободы вытекаетъ отмѣна государственной церкви и обращеніе всѣхъ церковныхъ учрежденій въ частныя, содержимыя единственно на счетъ желающихъ и управляемыя сообразно ихъ волѣ, безъ всякаго пособія или вмѣшательства учрежденій гражданскихъ.

ж) Свобода рѣчи, печати, театровъ и обученія.

з) Свобода сходокъ, прошеній и заявленій внѣшними знаками (рисунками, знаменами, процессіями и др.) безъ нарушенія внѣшняго порядка и безопасности въ населенныхъ мѣстахъ.

и) Свобода товариществъ и обществъ.

і) Право ношенія оружія и военныхъ упражненій безъ нарушенія внѣшняго порядка и безопасности въ населенныхъ мѣстахъ.

к) Право гражданскаго и уголовнаго иска противъ должностныхъ лицъ и учрежденій за незаконное нарушеніе интересовъ лица.

л) Право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ чиновниковъ.

м) Равенство всѣхъ въ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ.

Примѣчаніе I къ разд. А. Права человѣка и гражданина не могутъ быть отмѣнены, ни ограничены никакимъ постановленіемъ, ни закономъ, исключая ограниченій, установляемыхъ въ законодательномъ порядкѣ на время внѣшней войны. Но и въ такомъ случаѣ никто, не принадлежащій къ войску, не можетъ быть судимъ военнымъ, ни другимъ исключительнымъ судомъ.

Примѣчаніе II къ разд. А. Охрана вышеисчисленныхъ правъ должна возлагаться на обязанность мѣстныхъ мировыхъ судей, которымъ должно быть предоставлено право, подъ личной отвѣтственностью, требовать себѣ содѣйствія вблизи стоящихъ военныхъ силъ, обязанныхъ оказывать имъ таковое содѣйствіе.

Б. Самоуправленіе:

а) *Мѣстное:*

Общинное (сельское и городское).
Волостное.
Уѣздное.
Областное.[1]

---

[1] Области, на которыя должна быть раздѣлена Россійская Имперія сообразно совокупности географическихъ, экономическихъ и этнографическихъ условій, могутъ быть предположены приблизительно слѣдующія:

1. Сѣверная: губерніи Архангельская и Вологодская.

2. Озерная: губ. Олонецкая, С.-Петербургская, Псковская, Новгородская и Тверская.

3. Балтійская: губ. Эстляндская, Лифляндская, латышскіе уѣзды (Люцинскій, Рѣжицкій и Динабургскій) Витебской губерніи и Курляндская.

4. Литовская: губ. Ковенская, Сувалкская къ сѣверу отъ г. Сувалокъ, сѣверо-западная половина Виленской губерніи.

5. Польская: губерніи Царства Польскаго, кромѣ литовской части Сувалкской и восточныхъ частей Сѣдлецкой и Люблинской (бывшая уніатская Холмская епархія) и западныя части уѣздовъ Гродненскаго и Бѣлостокскаго, Гродн. губ.

6. Бѣлорусская: губ. Витебская (кромѣ латышскихъ уѣздовъ), западная половина Смоленской губ., Могилевская губ., Минская, кромѣ Пинскаго и Мозырскаго уѣздовъ и губ. Гродненская, кромѣ южныхъ уѣздовъ (Бѣльскаго, Пружанскаго, Брестскаго и Кобринскаго).

7. Полѣсская: восточныя части Сѣдлецкой и Люблинской губ., южные уѣзды Гродненской, Пинскій и Мозырскій уѣзды Минской губ. и Волынская губ., кромѣ юговосточной части (уѣздовъ Житомірскаго и Новоградъ-Волынскаго по р. Случь).

8. Кіевская: юговосточная часть Волынской губ., Кіевская губернія, Черниговская и Полтавская безъ юговосточной части (уѣздовъ Константиноградскаго, Полтавскаго, Кобеляцкаго и восточной половины Кременчугскаго).

б) *Государственное.*

2. Самоуправленіе это должно представляться сходами, или же выбранными собраніями, предъ которыми должны быть отвѣтственны всѣ должностныя лица, кромѣ судей, положеніе которыхъ должно быть опредѣлено особо.

Примѣчаніе. Въ основныхъ своихъ чертахъ теперешнее судоустройство по уставамъ 20 ноября 1864 г. можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

3. Всѣ лица, достигшія 21-лѣтняго возраста, должны пользоваться избирательнымъ правомъ и правомъ быть избираемыми во всякія представительныя собранія и должности общинныя, волостныя и уѣздныя; для права же быть избраннымъ въ собранія и должности областныя и государственныя необходимъ 25-тилѣтній возрастъ.

Примѣчаніе I. Законы объ избирательныхъ сходахъ и округахъ должны быть составлены такимъ образомъ, чтобъ выбранные могли представлять не только жителей всѣхъ мѣстностей, но и по возможности всѣхъ родовъ занятій, а также не только большинства, но и меньшинства.

Примѣчаніе II. Избиратели должны имѣть право составлять для своихъ выборныхъ наказы.

---

9. Одесская: губ. Подольская, Бессарабская, Херсонская, западная часть Екатеринославской (по р. Днѣпръ) и Таврическая губ., кромѣ уѣздовъ Мелитопольскаго и Бердянскаго.

10. Харьковская: Мелитопольскій и Бердянскій уѣзды Таврической губерніи, восточная часть Екатеринославской губ., юговосточные уѣзды Полтавской губ., Харьковская губ., и южные, Слободско-украинскіе уѣзды Курской и Воронежской.

11. Московская: сѣверные уѣзды Курской губерніи, губ. Орловская, Тульская, Калужская, Смоленская (кромѣ бѣлорусскихъ уѣздовъ), Московская и Рязанская.

12. Нижегородская: губ. Ярославская, Костромская, Владимірская и Нижегородская.

13. Казанская: губерніи Вятская, Казанская, Симбирская и Самарская, кромѣ южныхъ уѣздовъ (Николаевскаго и Новоузенскаго).

14. Пріуральская: губерніи Пермская, Уфимская и Оренбургская.

15. Саратовская: сѣверо-восточные уѣзды Воронежской губерніи, губерніи: Саратовская, Тамбовская, Пензенская, Николаевскій и Новоузенскій уѣзды Самарской губерніи и Астраханская губ.

16. Кавказская: Закавказье съ Ставропольской губ. (временно).

17. Западная Сибирь.

18. Восточная Сибирь.

19. Земли Казачьи (Донская, Кубанская, Терская и Уральская) должны оставаться какъ особыя области впредь до преобразованія казачьей военной службы и всего строя этихъ земель на началахъ всесословности, послѣ чего Земля Уральскихъ казаковъ примкнетъ, вѣроятно, къ области Саратовской, а первыя три составятъ съ губерніей Ставропольской одну область, съ сохраненіемъ мѣстныхъ отличій.

20. Области Среднеазіатскія, какъ слишкомъ разнообразныя по своему населенію и недавно еще присоединенныя, должны быть управляемы на особомъ положеніи съ возможнымъ примѣненіемъ началъ самоуправленія.

4. Въ селахъ общественными дѣлами долженъ завѣдывать сходъ и выбираемая имъ управа съ выбраннымъ сходомъ же старшиною.

5. Въ городахъ (и мѣстечкахъ), волостяхъ, уѣздахъ и областяхъ для завѣдыванія общественными дѣлами должны быть учреждены думы, выбранныя на основаніи особыхъ, составленныхъ безъ нарушенія пункта 3-яго, законовъ объ избирательныхъ сходахъ и округахъ, а также управы, выбранныя думами.

6. Сельскіе сходы, а также городскія, волостныя, уѣздныя и областныя думы должны имѣть право поручать исполненіе своихъ постановленій, кромѣ своихъ старшинъ и управъ, еще и особеннымъ лицамъ или комитетамъ.

7. Сельскіе сходы, а также городскія, уѣздныя и областныя думы должны имѣть право поручать своимъ управамъ вести гражданскіе и уголовные иски противъ всякаго рода должностныхъ лицъ за незаконныя ихъ дѣйствія.

8. Указанныя въ 4 и 5 §§ учрежденія общинныя, волостныя и уѣздныя должны завѣдывать въ своихъ округахъ дѣлами мѣстнаго общественнаго хозяйства (общественное имущество, базары, ярмарки и. т. п.), благоустройства (пути сообщенія, публичныя зданія, почты и т. п.) и благосостоянія (оздоровленіе, продовольствіе, призрѣніе, страхованіе, охрана скота отъ эпизоотій и т. п.) и общественнымъ начальнымъ и (по мѣрѣ средствъ) среднимъ обученіемъ.

9. Областнымъ думамъ и опредѣленнымъ отъ нихъ управамъ и другимъ органамъ должно принадлежать: завѣдываніе дѣлами мѣстнаго общественнаго хозяйства, благоустройства и благосостоянія, которыя превосходятъ средства одного уѣзда, принятіе общихъ мѣръ по области по всѣмъ дѣламъ общественнаго хозяйства, благоустройства и благосостоянія; надзоръ за всею экономическою дѣятельностью въ области (земледѣліемъ, копями, лѣсами, промыслами, заводами, фабриками и др.) и принятіе мѣръ къ сохраненію природныхъ богатствъ области и къ правильному ими пользованію, а также къ обезпеченію и увеличенію всеобщаго богатства населенія области;

надзоръ (инспекція) за публичнымъ обученіемъ въ области и завѣдываніе школами средними, содержимыми на областной счетъ, а также школами высшими, и учеными учрежденіями (академіями и пр.).

10. Сельскіе сходы, а также волостныя, городскія, уѣздныя и областныя думы должны имѣть право издавать по всѣмъ дѣламъ, входящимъ въ кругъ ихъ дѣйствій, обязательныя постановленія (не противныя основнымъ законамъ и общимъ интересамъ государственнаго союза) назначать для удовлетворенія подлежащихъ ихъ вѣдѣнію общественныхъ нуждъ налоги и входить въ сношенія и соглашенія съ другими подобными учрежденіями въ предѣлахъ государства относительно удовлетворенія общихъ имъ нуждъ.

Примѣчанія къ §§ 4—10. I. Подробности объ отношеніяхъ между названными выше учрежденіями, съ болѣе или менѣе широкимъ кругомъ дѣйствія должны быть опредѣлены особыми уставами. Но необходимо, чтобы эти уставы возможно болѣе имѣли въ виду, чтобы учрежденіе съ болѣе широкимъ кругомъ дѣйствія не являлось начальствомъ надъ учрежденіями съ менѣе широкимъ кругомъ дѣйствія, а, чтобы каждое имѣло возможно полную самостоятельность въ своемъ кругѣ, особенно въ дѣлахъ, которыя оно оплачиваетъ своими средствами. Упомянутый надзоръ въ дѣлахъ образовательныхъ, долженъ имѣть значеніе изслѣдованія и совѣта, а не командованія.

II. Равнымъ образомъ особыми установленіями должны быть опредѣлены и отношенія къ органамъ мѣстнаго самоуправленія представителей общегосударственнаго правительства (министровъ и областныхъ намѣстниковъ). Но для того, чтобъ мѣстное самоуправленіе было дѣйствительнымъ, необходимо, чтобъ представители государства могли пріостанавливать только такія постановленія и дѣйствія органовъ мѣстнаго самоуправленія, которыя не согласны съ основными законами и общими интересами государственнаго союза и чтобъ возникшее, такимъ образомъ, столкновеніе разрѣшалось сенатомъ (высшимъ судомъ) съ отвѣтственностью государственнаго чиновника за послѣдствія произведенной имъ остановки.

11. Полиція въ городахъ, уѣздахъ и подраздѣленіяхъ послѣднихъ должна находиться въ вѣдѣніи соотвѣтствующихъ думъ, предъ которыми должны быть отвѣтственны начальники мѣстной полиціи, какимъ бы способомъ они не назначались.

12. Кромѣ исчисленныхъ въ §§ 8, 9, 10 и 11 дѣлъ мѣстнымъ выборнымъ учрежденіямъ должна принад-

лежать разверстка и раскладка прямыхъ государственныхъ податей. Областнымъ же думамъ должно принадлежать также предварительное разсмотрѣніе всѣхъ проектовъ общегосударственныхъ финансовыхъ законовъ и представленіе объ нихъ заключеній въ законодательныя государственныя учрежденія, а также законодательство по вопросамъ мѣстной жизни (примѣненіе избирательныхъ законовъ, территоріальныя раздѣленія, кодификація обычнаго права и т. п.).

13. Завѣдываніе дѣлами, общими всему россійскому государственному союзу и общегосударственное законодательство должно принадлежать двумъ думамъ:

А. Государственной Думѣ, гласные которой должны выбираться избирательными сходами по округамъ, которые должны быть опредѣлены особымъ на этотъ счетъ установленіемъ на основаніи § 3-яго и

Б. Союзной Думѣ, гласные которой должны выбираться областными думами.

Примѣчаніе. Областныя Думы должны давать своимъ представителямъ въ Союзной Думѣ наказы и имѣть право во всякое время замѣнять этихъ представителей другими.

14. Обѣ общегосударственныя думы на время перерыва своихъ собраній должны составлять изъ себя Наблюдательную Комиссію.

15. Министры, назначаемые Главою Государства, должны быть отвѣтственны передъ обѣими думами и могутъ быть отдаваемы ими подъ судъ.

16. Думѣ Союзной, какъ представительницѣ областей, кромѣ участія въ общегосударственномъ законодательствѣ и управленіи, должно принадлежать, въ частности, завѣдываніе государственными имуществами, какъ общимъ всѣмъ областямъ государства запасомъ; относительно употребленія этого запаса на пользу общую Союзная Дума должна принимать мѣры, на основаніи изданныхъ совмѣстно съ Государственною Думою законовъ и по сношенію съ Думами Уѣздными и Областными, которыя должны сообщать Союзной Думѣ о нуждахъ, какія могутъ быть удовлетворяемы изъ упомянутаго запаса.

17. Всѣ названныя думы должны обязательно собираться въ опредѣленные сроки на очередныя собранія. На чрезвычайныя же собранія эти думы должны созываться по приглашенію соотвѣтственныхъ Управъ и Наблюдательной Комиссіи или по желанію трети своихъ членовъ. Въ случаѣ войны или возстанія въ одной изъ областей Государственная и Союзная Думы должны собираться сами, если ихъ не созоветъ ни Глава Государства, ни Наблюдательная Комиссія, и не расходиться, пока сами о томъ не постановятъ.

18. Глава государства можетъ, съ согласія Союзной Думы, распустить Государственную Думу, но въ такомъ случаѣ распускается и Союзная Дума, а въ манифестѣ о томъ долженъ быть назначенъ и срокъ избранія новыхъ членовъ этихъ думъ; одновременно съ изданіемъ этого манифеста должны собираться областныя думы, которыя и должны засѣдать до собранія новыхъ общегосударственныхъ думъ.

19. Въ случаѣ незаконнаго захвата государственной власти съ чьей бы то ни было стороны, должны собираться по собственному почину областныя думы, которыя и примутъ мѣры къ возстановленію законнаго порядка. Въ такомъ случаѣ войска, расположенныя въ областяхъ, должны подчиняться областнымъ думамъ.

20. Для суда надъ министрами за преступленія по должности, а также надъ членами Государственной и Союзной Думы за государственную измѣну долженъ собираться Верховный Судъ изъ членовъ уголовнаго департамента Сената и Союзной Думы.

21. Сенаторы должны назначаться пожизненно главою государства изъ кандидатовъ, предложенныхъ ему Союзною Думою непремѣнно изъ лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе и бывшихъ уже членами судебныхъ палатъ, областныхъ или общегосударственныхъ думъ.

22. Думы уѣздныя и областныя, а также глава Государства должны имѣть право поднимать вопросъ о несогласіи постановленій Государственной и Союзной Думы съ основными законами (уставомъ, консти-

туціей) государства; вопросы эти должны разрѣшаться Сенатомъ въ общемъ собраніи его департаментовъ.

23. Никакія перемѣны въ основныхъ законахъ государства не должны быть производимы безъ предварительнаго согласія двухъ третей голосовъ Государственной и Союзной Думъ и безъ утвержденія Государственнаго Собора.

24. Государственный Соборъ долженъ составляться изъ членовъ соединенныхъ Государственной и Союзной Думы, а также изъ нарочитыхъ гласныхъ, выбранныхъ областными собраніями въ такомъ количествѣ, чтобы число членовъ Союзной Думы и этихъ нарочитыхъ гласныхъ было равно числу членовъ Думы Государственной.

25. Глава Государства долженъ быть обязанъ обнародовать законы, принятые общегосударственными собраніями, и постановленія Сената, лишающія ихъ силы, а также постановленія Государственнаго Собора, наблюдать за исполненіемъ законовъ и преслѣдовать въ законномъ порядкѣ ихъ нарушенія.

Примѣчаніе. Глава Государства можетъ быть наслѣдственный Императоръ, равно какъ и избранный на срокъ Предсѣдатель Всероссійскаго Государственнаго Союза. Въ первомъ случаѣ за его дѣйствія должны быть отвѣтственны министры въ порядкѣ, указанномъ въ §§ 15 и 21, а во второмъ онъ отвѣтственъ самъ въ томъ же порядкѣ.

IV. Изъ вышеизложенныхъ началъ политическаго преобразованія Россіи должно считать особенно важными: 1) права человѣка и гражданина и 2) самоуправленіе мѣстное; правленіе же всею Россіей посредствомъ центральнаго представительнаго собранія, безъ признанія и обезпеченія этихъ правъ и мѣстнаго самоуправленія, должно считать также мало охраняющимъ свободу вообще и интересы Украйны въ частности, какъ и теперешнее устройство Россійской Имперіи.

V. По осуществленіи вышеизложеннаго или подобнаго плана политическаго преобразованія Россіи въ цѣломъ, или въ важнѣйшихъ частяхъ его, члены „Вольнаго Союза“ должны взять на себя обязанность обратить свои усилія къ облегченію угнетающихъ теперь жителей россійской Украйны общественныхъ

тягостей и къ обезпеченію каждому изъ нихъ средствъ жизни и развитія. Для этого члены „Вольнаго Союза“ должны обязаться проводить, при помощи свободы и черезъ органы самоуправленія, всякія мѣры направленныя:

1. Къ уменьшенію тяжестей военной повинности впредь, пока общія международныя отношенія дадутъ возможность замѣнить постоянную армію временно-собираемыми народными ополченіями.

Примѣчаніе. Между прочимъ облегченіе тяжести военной повинности можетъ быть достигнуто раздѣленіемъ ея между общегосударственной арміей и областными ополченіями, при сокращеніи арміи и срока службы въ ней.

2. Къ обращенію всѣхъ налоговъ въ прямыя подоходныя подати, постепенно увеличивающіяся, сообразно величинѣ дохода плательщика.

Примѣчаніе. Само собою разумѣется, что теперешніе вопіющіе несправедливые налоги и поборы: подушные, паспортные, акцизные и т. п. должны быть прежде всего или уничтожены, или совершенно преобразованы.

3. Къ установленію доступнаго каждому обученія въ школахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ—съ тѣмъ, чтобъ для дѣтей бѣдныхъ семей первоначальное обученіе было даровое и сопровождалось пособіями или, въ случаѣ нужды, полнымъ содержаніемъ ученика на общественный счетъ, при чемъ болѣе способные ученики были бы подобнымъ же образомъ содержимы и въ среднихъ, и въ высшихъ школахъ.

4. Къ устройству для бѣдныхъ людей общественныхъ пріютовъ: для дѣтей, больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, а также общественныхъ пенсіонныхъ кассъ для потерявшихъ силы и престарѣлыхъ работниковъ всѣхъ видовъ полезнаго обществу труда.

5. Къ ограниченію часовъ дневного труда, прежде всего женщинъ и дѣтей, — временемъ, при которомъ было бы возможно сохраненіе здоровья и развитіе тѣлесное и нравственное.

Примѣчаніе. Фабричная работа для недостигшихъ 14-лѣтняго возраста должна быть безусловно запрещена.

6. Къ установленію посредническихъ судовъ между хозяевами и рабочими изъ выборныхъ отъ обѣихъ сторонъ.

7. Къ устройству для рабочихъ здоровыхъ жилищъ, къ удешевленію ихъ найма и къ облегченію покупки ихъ семействами и артелями рабочихъ.

8. Къ предоставленію, по возможности, каждому земледѣльцу участія въ пользованіи или во владѣніи землею или лѣсомъ,—посредствомъ раздачи ихъ изъ государственныхъ имуществъ, переселенія на незанятыя мѣста, выкупа, при кредитѣ и пособіи отъ общественныхъ учрежденій, покупки общественными учрежденіями земель и лѣсовъ у частныхъ лицъ и т. п.

Примѣчаніе I. Заключенные при введеніи Положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. договоры, обземелившіе крестьянъ или давшіе имъ т. наз. четвертной надѣлъ, должны быть провѣрены, съ примѣненіемъ, въ случаѣ надобности, обязательнаго выкупа.

Примѣчаніе II. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ совершившіяся съ 1861 г. выкупныя сдѣлки налагаютъ на крестьянъ платежи, высшіе дѣйствительной доходности съ земли, выкупные платежи эти должны быть облегчены посредствомъ перенесенія погашенія выкупнаго долга съ спеціальнаго крестьянскаго налога на общегосударственные расходы.

9. Къ возвышенію поземельнаго дохода и всякаго заработка трудящихся людей посредствомъ устройства общественныхъ товарныхъ складовъ, посредствомъ заказовъ всякаго рода подрядовъ на общественныя нужды прямо земледѣльцамъ и работникамъ, при руководствѣ общественныхъ учрежденій (преимущественно общинныхъ).

10. Къ поддержкѣ и развитію громадскаго и товарищескаго землевладѣнія и арендованія, и всякой другой товарищеской или артельной работы.

11. Къ выкупу копей, водъ, лѣсовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п. въ собственность государства, областей, уѣздовъ, волостей или общинъ и къ предоставленію ихъ въ пользованіе населенію, возможно дешевое и съ примѣненіемъ, по возможности, артельнаго способа добыванія и обработки продуктовъ.

VI. Проведеніе вышеочерченныхъ экономическихъ мѣръ составляетъ наименьшее изъ обязанностей, принимаемыхъ на себя членами „Вольнаго Союза“, по установленіи въ Россіи начатковъ политической свободы; члены же, которые будутъ считать эти мѣры

недостаточными, могутъ, послѣ этого установленія, безъ нарушенія своего слова, удалиться изъ общества, для дѣйствованія по своему усмотрѣнію.

Заключеніе. Послѣ всего сказаннаго цѣли украинскаго общества „Вільна Спілка“ въ настоящее время могутъ быть сжато выражены въ слѣдующихъ словахъ:

I. Цѣли обще-гражданскія:

а) Права человѣка и гражданина, — какъ необходимое условіе личнаго достоинства и развитія.

б) Самоуправленіе, — какъ основа для движенія къ соціальной справедливости.

II. Цѣль частно-національная:

Политическая свобода, — какъ средство для возвращенія украинской націи въ семью націй культурныхъ.

Часть II.

О средствахъ дѣятельности общества.

Предварительное замѣчаніе. Во всякомъ общественномъ дѣлѣ вопросъ о средствахъ, сравнительно съ вопросомъ о цѣляхъ, есть дѣло вторичное. Средства зависятъ отъ обстоятельствъ, постоянно измѣняющихся, а потому опредѣлить ихъ съ достаточной полнотою заранѣе нѣтъ возможности, а слѣдовательно и необходимости. Для всякаго политическаго сообщества самое главное — собрать возможно большее количество ясно сознающихъ цѣли его членовъ, которые затѣмъ, сообразно условіямъ мѣста и времени, естественно найдутъ удобнѣйшія средства для достиженія своихъ цѣлей. Нижеслѣдующія положенія поэтому не имѣютъ претензіи на полноту, а представляютъ только опытъ указанія нѣкоторыхъ пріемовъ, имѣющихъ въ виду преимущественно распространеніе въ разныхъ слояхъ населенія основныхъ идей предполагаемаго „Вольнаго Союза“.

I. Для достиженія означенныхъ въ первой части Основаній Устава цѣлей, необходимо прежде всего основать на всей Украинской землѣ отдѣленія „Вольнаго Союза“ изъ лицъ совершеннолѣтнихъ и по возможности съ опредѣленными занятіями, изъ всѣхъ теперешнихъ классовъ населенія.

Примѣчаніе. Изъ сказаннаго ясно, что члены „Вольнаго Союза“ должны избѣгать всякаго рода дѣйствій къ возбужденію молодежи къ преждевременной для нея политической борьбѣ и къ дѣйствіямъ, которыя могутъ воспрепятствовать молодымъ людямъ стать въ должное время, при помощи образованія общаго и профессіональнаго, сознательными и вліятельными политическими дѣятелями.

II. Непремѣнную обязанность члена „Вольнаго Союза“, при всѣхъ другихъ обязанностяхъ, которыя онъ приметъ на себя, согласно настоящему уставу, должна быть забота о возвышеніи своего умственнаго и нравственнаго уровня и стараніе во всякомъ полезномъ обществу дѣлѣ занять по возможности самое видное мѣсто.

Примѣчаніе. Изъ знаній, которыя особенно желательны для членовъ „В. Союза“, прежде всего должны быть рекомендованы: знакомство съ политической, соціальной и культурной жизнію западноевропейскихъ народовъ, а также подробнѣйшее ознакомленіе съ своей родиной.

III. Всѣ частныя проявленія дѣятельности „Вольнаго Союза“ должны быть согласны съ его опредѣленными выше цѣлями, въ отдѣльности и въ совокупности, а также съ общими правилами нравственности.

Примѣчаніе I. Всякая кража и всякій обманъ населенія для членовъ „Вольнаго Союза“ должны быть безусловно недозволительны.

Примѣчаніе II. Убійство какого бы то ни было лица (дѣйствіе противное одному изъ положеній о правахъ человѣка и гражданина) никогда не должно быть задачею ни цѣлаго „Вольнаго Союза“, ни какого бы то ни было его отдѣла; если же кто-нибудь изъ членовъ „Вольнаго Союза“ совершилъ бы политическое убійство, для самосохраненія, или подъ вліяніемъ возбужденія крайними несправедливостями правительства и его слугъ, то обязанъ принять это убійство исключительно на свою личную отвѣтственность.

IV. Не упуская никогда изъ виду главныхъ своихъ цѣлей: объединенія всѣхъ жителей Украйны въ дѣятельности для свободы и благосостоянія родной земли, а также соединенія всѣхъ теперешнихъ классовъ населенія Украйны въ одно равноправное цѣлое, члены „Вольнаго Союза“ должны однакожъ отыскивать въ каждой мѣстности и въ каждомъ классѣ такія стороны жизни, преданія и стремленія, которыя могутъ

служить естественною основою для привитія къ нимъ какого либо изъ стремленій Союза, а именно:

1. Члены „Вольнаго Союза“ должны отыскивать въ разныхъ мѣстахъ и классахъ населенія Украйны воспоминанія о прежней свободѣ и равноправности, какъ, напр., о самоуправленіи повѣтовъ по такъ называемому Литовскому праву, городовъ по такъ называемому праву Магдебургскому, о свѣтскомъ и церковномъ самоуправленіи громадъ и волостей, о братствахъ, о самоуправленіи казацкомъ (сотенъ, полковъ, и всей Гетьманщины), о разносословныхъ съѣздахъ во время Гетьманщины, о Сѣчи и Вольностяхъ Товариства Запорожскаго и т. п., и т. п., — поддерживать эти воспоминанія и подводить ихъ къ теперешнимъ понятіямъ о свободѣ и равенствѣ у образованныхъ народовъ.

2. Такъ какъ и по императорскимъ россійскимъ законамъ (напр. Дворянской Грамоты 1787 г.) дворяне должны были быть избавлены отъ безсуднаго распоряженія ихъ свободою и имуществомъ, а также имѣть право представленія Верховной Власти о своихъ нуждахъ и пользахъ, то члены „Вольнаго Союза“ изъ дворянъ должны побуждать свое сословіе къ требованіямъ отъ отмѣнѣ такихъ учрежденій, какъ ссылки безъ суда, положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, а также къ требованіямъ общаго преобразованія управленія Россіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены „Вольнаго Союза“ изъ украинскихъ дворянъ должны обращать вниманіе своихъ товарищей по сословію на недавній простонародный характеръ происхожденія украинскаго дворянства изъ казацкой старшины, первоначально выборной, а также на вопіюще-несправедливый захватъ этой старшиной народнаго имущества, и потому должны указывать на тѣмъ большую нравственную обязанность украинскихъ дворянъ выступить противъ самодержавія, а равно заплатить простонародью долгъ за оказанныя ему несправедливости.

3. Члены „Вольнаго Союза“ изъ ремесленныхъ классовъ и крестьянъ, а также всѣ другіе члены, при сношеніяхъ съ ремесленниками и крестьянами,

должны собирать и систематизировать ихъ недовольство своимъ теперешнимъ положеніемъ, но при этомъ должны распространять среди нихъ мысль о несовмѣстимости царско-чиновническаго самодержавія даже съ матеріальнымъ благомъ чернорабочихъ классовъ, даже и тогда, если бы царь и чиновники искренно пожелали этого блага; вмѣстѣ съ тѣмъ упомянутые члены „Вольнаго Союза“ должны распространять мысль объ удобствахъ политической свободы и для чернорабочихъ классовъ, даже и тогда, если бы на первыхъ порахъ теперешніе экономическіе порядки и не были измѣнены, а также доказывать необходимость политической свободы для того, чтобъ чернорабочіе классы были въ состояніи сами приступить къ измѣненію этихъ порядковъ.

4. Въ средѣ крестьянъ и мѣщанъ члены „Вольнаго Союза“ должны обратить особенное вниманіе на евангелическія братства (такъ называемыхъ штундистовъ, молоканъ, людей божіихъ и т. п.), стараясь разъяснить имъ связь свободы совѣсти съ другими свободами, поддерживать въ нихъ наклонность къ свободному мышленію, ослаблять мистицизмъ и направлять мысль о братствѣ религіозномъ къ мысли о союзѣ гражданскомъ и хозяйственномъ и выводить мысль о такомъ союзѣ за предѣлы вѣроисповѣдныя.

Примѣчаніе. Лучшимъ средствомъ для послѣдняго можетъ быть ознакомленіе нашихъ сектантовъ съ развитіемъ протестанскихъ сектъ и кооперацiоннаго движенія въ Западной Европѣ, особенно въ Голландіи и Великобританіи, отъ анабаптистовъ и социніанъ (которыхъ ученіе коснулось и Украйны въ XVI—XVII в.) до Роберта Оуена и теперешнихъ рабочихъ союзовъ.

5. При сближеніи съ людьми класса военнаго, члены „Вольнаго Союза“ должны расширять существующее въ этомъ классѣ понятіе объ обязанности воина защищать свою родину отъ внѣшняго врага до понятія о необходимости защиты родины отъ всего вреднаго для нея, въ томъ числѣ и отъ гибельнаго для нея внутренняго управленія; при этомъ военнымъ лицамъ украинскаго происхожденія должно быть поставляемо на видъ и то обстоятельство, что дѣйствительная ихъ родина теперь порабощена государственной властью, для нея вредной и въ то же

время чужой. Приглашая военныхъ людей отказывать въ поддержкѣ деспотическому правительству и дѣятельно помогать освобожденію Россіи и въ частности Украйны, члены „Вольнаго Союза“ должны въ то же время распространять въ военномъ классѣ мысль о томъ, что интересы правильнаго общежитія и развитія требуютъ, чтобъ армія, даже и въ борьбѣ съ правительствомъ, не захватывала власти, а только ниспровергала насиліе надъ свободою гражданъ и охраняла гражданское самоуправленіе отъ всякихъ на него покушеній.

V. Члены „Вольнаго Союза“ должны особенно стараться проникнуть въ избирательныя должности и собранія (сельскія, городскія, уѣздныя, губернскія, — крестьянскія, дворянскія, земскія) для того, чтобъ имѣть возможность направлять ходъ общественныхъ дѣлъ въ цѣляхъ „Вольнаго Союза“ и въ частности для того, чтобъ

1. подвигать общественные сходы и собранія къ заявленіямъ правительству о необходимости преобразованія Россіи на началахъ политической свободы;

2. въ случаѣ упорства правительства возбуждать сходы и собранія къ отказу ему въ поддержкѣ, напр., къ отказу отъ исполненія возложенныхъ теперь законами на общественныя учрежденія обязанностей податныхъ, рекрутскихъ и т. п. и наконецъ къ прямымъ попыткамъ устраненія царскихъ чиновниковъ отъ завѣдыванія общественными дѣлами и къ попыткамъ самовольнаго осуществленія самоуправленія, съ приглашеніемъ къ тому же и представителей другихъ мѣстностей.

VI. Главною заботою „Вольнаго Союза“ въ настоящее и ближайшее время должно быть собраніе во всѣхъ слояхъ населенія силъ, достаточныхъ для того, чтобъ принудить самодержавное правительство Россіи уступить порабощенному имъ населенію права человѣка и гражданина и самоуправленіе, для чего преимущественно необходимо достигнуть согласнаго дѣйствія силъ земскихъ и военныхъ, соотвѣтственно статьѣ IV и § 4 статьи III настоящей части проекта устава. Но и до полнаго собранія этихъ силъ члены

„Вольнаго Союза“ могутъ, по соображеніи обстоятельствъ, предпринимать противъ правительства разнаго рода дѣйствія: заявленія, сопротивленія и даже нападенія, могущія пробуждать и распространять въ населеніи мысль о необходимости измѣненія правленія Россіи въ смыслѣ, желательномъ для „Вольнаго Союза“, и участвовать въ подобныхъ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ другими.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если починъ упомянутыхъ въ концѣ предыдущаго пункта дѣйствій будетъ принадлежать членамъ „Вольнаго Союза“, то члены эти не имѣютъ права уклоняться отъ той отвѣтственности за эти дѣйствія, которая падетъ на другихъ ихъ участниковъ.

Часть III

о внутреннемъ устройствѣ общества

зависитъ отъ условій часто самыхъ случайныхъ, а потому заранѣе точно опредѣлена, а особенно опубликована быть не можетъ.

II.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

КЪ ПРОЕКТУ УСТАВА ОСНОВАНІЙ УКРАИНСКАГО ОБЩЕСТВА

„ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ“ — „ВІЛЬНА СПІЛКА“

Къ первой части.

Къ статьямъ I, II и III-ей. Всякаго рода общественная дѣятельность должна считаться не только съ здравыми мнѣніями и стремленіями въ обществѣ, но и съ предразсудками и заблужденіями. На этомъ основаніи настоящая записка должна начаться съ объясненій какъ имени политическаго общества, основанія устава котораго изложены выше, такъ и опредѣленія области его дѣятельности. При нормальныхъ условіяхъ нѣтъ надобности въ особомъ объясненіи того, что извѣстное количество лицъ выбираютъ себѣ для работы извѣстный народъ и страну, имъ населенную. Но украинскій народъ поставленъ судьбою въ положеніе именно ненормальное, главнымъ образомъ, вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ: а) потери имъ политической независимости (благодаря особенно раздѣлу его страны въ к. XVII в. между Польшей, Московіей и Турціей) и б) происшедшаго, главнымъ образомъ вслѣдствіе этого обстоятельства, разобщенія между массою украинскаго народа и большинствомъ высшихъ классовъ, которые усвоили себѣ признаки господствующихъ надъ украинскимъ народомъ національностей: великорусской, польской, нѣмецкой (въ Буковинѣ) и венгерской, и чрезъ то потеряли непосредственное чувство своей связи съ народомъ, среди котораго они живутъ, и сознаніе интересовъ этого

народа и его страны, или даже сдѣлались среди этого народа и въ этой странѣ представителями чуждыхъ послѣднимъ, а иногда и прямо вредныхъ имъ интересовъ. Такое ненормальное положеніе украинскаго народа послужило источникомъ цѣлаго круга ложныхъ понятій, недоразумѣній и софизмовъ, поддержка которыхъ представляетъ столько выгоды для разнаго рода политическихъ элементовъ, которые стремятся удержать или пріобрѣсти такое или иное господство надъ этимъ народомъ, что всякая рѣчь о работѣ въ пользу этого народа должна начинаться съ опроверженій этихъ ложныхъ идей, — и съ объясненій необходимости этой работы и ея спеціализаціи.

Въ числѣ наиболѣе распространенныхъ софизмовъ относительно Украйны не послѣднее мѣсто занимаетъ мнѣніе, будто спеціализація дѣятельности на пользу украинскаго народа есть стремленіе узкое въ виду того, что въ настоящее время интересы всѣхъ народовъ въ цивилизованномъ мірѣ находятся въ тѣсной связи между собою, — или не практичное въ виду того, что основою для политической дѣятельности въ настоящее время служитъ государство, а не національность.

Дѣйствительно, матеріальныя и нравственныя связи между народами не только Европы, но и всего земного шара, такъ быстро возрастаютъ, что всякій общественный дѣятель, чѣмъ дальше, все больше долженъ соображаться съ ходомъ дѣлъ не только своей ближайшей страны, но и всего міра. Тѣмъ не менѣе реальныя условія всякой общественной дѣятельности, а особенно политической, требуютъ отъ дѣятеля избранія такого поля приложенія его силъ, какое обширностью своею не превосходило бы размѣра этихъ силъ и къ которому самъ этотъ дѣятель могъ бы наиудобнѣе приспособиться своими личными особенностями. Затѣмъ всемірность извѣстнаго движенія является уже дѣломъ вторичнымъ, какъ результатъ совокупности приложенія извѣстныхъ силъ на первичныхъ, болѣе ограниченныхъ поляхъ дѣятельности, въ особенности, конечно, если эта совокупность будетъ заранѣе организована постоянными сношеніями пред-

ставителей дѣятельности на этихъ первичныхъ поляхъ.

Нельзя не видѣть, что существованіе извѣстныхъ человѣческихъ породъ, — національностей, — опредѣляетъ отдѣльнымъ лицамъ, или, по крайней мѣрѣ, огромному большинству ихъ, естественнѣйшія поля для ихъ дѣятельности, какъ потому что національные языки, — самое опредѣленное и наиболѣе важное въ практическомъ отношеніи отличіе человѣческихъ породъ, — представляютъ наиболѣе естественную связь отдѣльныхъ лицъ извѣстныхъ національныхъ массъ и самыхъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей съ этими массами, такъ и потому что, за немногими исключеніями, люди одной породы заняли на землѣ страны съ болѣе или менѣе однородными условіями для хозяйства и быта вообще. Вотъ почему и первыя широкія правовыя общежитія — государства образовались, и при томъ съ наименьшими насиліями, въ областяхъ, однородныхъ по національности, и во многихъ случаяхъ и до сихъ поръ почти не выходятъ изъ предѣловъ національныхъ, такъ что въ политической терминологіи и до сихъ поръ слово народъ (populus, peuple, — собственно race) и государство (status, état, — собственно empire) употребляются за одно и одинаково замѣняются словомъ — natio, nation. Понятіе о всемірномъ, общечеловѣческомъ и до сихъ поръ выражается и сколько нибудь реально представляется только въ видѣ между-народнаго, — собственно между-національнаго, inter-national.

Обращаясь теперь къ населенію украинскому и къ его странѣ, мы, во первыхъ, видимъ, что это населеніе представляетъ собою всѣ признаки особой національности. Фактъ этой особности доказывается не только непосредственнымъ чувствомъ какъ самаго этого населенія, такъ и его иностранныхъ наблюдателей, но и разносторонними научными изслѣдованіями. Отрицать эту особность теперь рѣшаются только поверхностные или умышленно извращающіе дѣло чиновники или политиканы, въ казенныхъ бумагахъ и газетныхъ статьяхъ, но не ученые, авторы монографій, спеціалисты-профессора высшихъ школъ или академики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ бѣглый взглядъ на карту показываетъ намъ, что украинская порода заняла опредѣленную, довольно однородную географическую область: страну чернозема отъ Карпатъ до сѣвернаго склона Кавказа, страну, которой восточную часть (отъ нижн. Дона до Каспія) украинцы быстро заселяютъ на нашихъ глазъ, преодолѣвая здѣсь соперничество господствующей въ Россіи и даже ближайшей къ этому краю по меридіональному направленію породы великорусской, которая сама направляется преимущественно въ болѣе восточные края. Сколько нибудь внимательное изученіе географическихъ особенностей этой страны и ея положенія относительно другихъ странъ[1], непремѣнно откроетъ всякому существованіе особыхъ задачъ ея внутренней и внѣшней политики, которыя могутъ быть разрѣшены раціонально только при извѣстномъ самоуправленіи этой страны, возможномъ только при сознаніи населеніемъ ея своего единства и своихъ интересовъ.

Если къ сейчасъ сказанному прибавимъ, что по признанію всѣхъ наблюдателей украинская порода, число членовъ которой и теперь уже можетъ быть опредѣлено до 20 000 000, далеко не лишена физическихъ и нравственныхъ признаковъ высшей человѣчности и доказала въ своемъ прошломъ способность къ культурѣ, не смотря на неблагопріятныя условія,— то мы тѣмъ болѣе должны будемъ признать, что украинскій народъ можетъ представить не только естественное, но и благодарное поле для приложенія силъ тѣхъ лицъ, которыя желаютъ служить развитію человѣческому. Посвященіе себя работѣ на пользу развитія народа украинскаго не только можетъ вполнѣ удовлетворить личности, которыя возвысились до пониманія интересовъ общечеловѣческихъ, такъ какъ общечеловѣческое есть ничто иное, какъ совокупность лучшаго и всѣмъ выгоднаго въ отдѣльныхъ націяхъ, но свободная и развитая украинская нація будетъ, конечно, не самымъ послѣднимъ членомъ въ человѣческой семьѣ. Проявляющееся въ послѣднее десяти-

[1] Украйна съ Бѣлоруссіей — страны Черноморскаго бассейна, какъ Польша и Литва — Балтійскаго, а Великороссія — Балтійско-Каспійскаго и Сѣвернаго.

лѣтіе все съ большею настойчивостью украинское движеніе и въ самыя наивныя свои времена въ сущности не имѣло другой цѣли, кромѣ возвращенія украинской націи въ семью культурныхъ европейскихъ народовъ, въ которую она входила до к. XVII в., пока упомянутый выше раздѣлъ Украйны не подорвалъ ея силъ, пока деспотическое Россійское государство не провело трудно переходимой границы между огромнымъ большинствомъ украинцевъ и Западной Европой и пока всеизсушающая государственная централизація не парализировала развитія украинскихъ культурныхъ центровъ. Въ настоящее время сознательная дѣятельность въ пользу гражданской свободы и самоуправленія населенія Украины, а также соединенія ея образованныхъ классовъ съ массами народа, конечно, поможетъ украинской націи сократить то разстояніе, какое образовалось въ послѣднія столѣтія между развитіемъ ея и далеко опередившихъ ее народовъ Европы, — цѣль, которая уже сама по себѣ не можетъ не быть признанною достойной усилій нравственно развитыхъ людей, а особенно вскормленныхъ среди украинскаго народа и благодаря его труду.

Все сказанное вовсе не исключаетъ значенія для украинскаго народа и слѣдовательно для лицъ, посвящающихъ себя дѣятельности въ средѣ его, — условій жизни государственной и особенно государства Россійскаго, въ которомъ находится огромное большинство украинскаго народа, ни не устраняетъ необходимости особенно тѣсныхъ связей какъ этого народа съ другими народами Россіи, такъ и тѣснѣйшаго согласія лицъ, посвятившихъ себя работѣ на пользу украинской націи, съ лицами, работающими на другія націи этого государства. Въ настоящее время уже и въ разнонаціональныхъ государствахъ, каково бы то ни было ихъ происхожденіе, выработались между разноплеменными населеніями связи, разрывъ которыхъ нарушилъ бы многіе уже установившіеся интересы и отъ которыхъ можно отправляться для дальнѣйшаго развитія упомянутыхъ націй. Даже въ государствахъ, явно угнетающихъ свои всѣ или извѣстныя націи, согласное дѣйствіе послѣднихъ необходимо для самаго

освобожденія ихъ отъ общаго гнета. При этомъ только необходимо наиболѣе соотвѣтственное дѣйствительному положенію вещей упорядоченіе этого согласія.

Очевидно, что въ государствахъ столько же разнонаціональныхъ, сколько и обширныхъ по пространству, послѣдняго рода согласное дѣйствіе всѣхъ населеній можетъ быть достигнуто только послѣ предварительнаго соглашенія отдѣльныхъ частей ихъ по племеннымъ и областнымъ подраздѣленіямъ. Таковой именно случай представляетъ въ особенности Россійская Имперія, которой уже одно пространство дѣлаетъ совершенно невозможнымъ непосредственное приложеніе силъ отдѣльныхъ лицъ ко всей государственной области.

Обращаясь въ частности къ украинскому населенію Россійскаго государства, мы должны сказать, что по нашему мнѣнію сколько нибудь реальное пониманіе положенія и интересовъ этого населенія должно привести къ убѣжденію, что не только въ настоящее время свобода и развитіе его тѣсно связаны съ свободою и развитіемъ другихъ населеній Россіи, но что и вообще отдѣленіе украинскаго населенія отъ другихъ областей Россіи въ особое государство (политическій сепаратизмъ) есть вещь не только во всякомъ случаѣ крайне трудная, если не невозможная, — но, при извѣстныхъ условіяхъ, вовсе не нужная для какихъ бы то ни было интересовъ украинскаго народа.[1]

Народъ этотъ терпитъ теперь въ Россійскомъ государствѣ въ политическомъ отношеніи отъ непризнанія его національности, вмѣстѣ со всѣми другими негосударственными народами Россіи, а также вообще отъ непризнанія правъ человѣческихъ и гражданскихъ и отсутствія самоуправленія, отъ монархическаго деспотизма и правительственной централизаціи, которые и представляютъ политическаго врага, общаго всѣмъ

[1] Кромѣ другихъ резоновъ, въ родѣ отсутствія рѣзкихъ границъ между украинскою и великорусскою страною и смѣшенія во многихъ мѣстахъ населенія обоихъ племенъ, противъ такого сепаратизма говоритъ между прочимъ и то обстоятельство, что, при осуществленіи его, коренное украинское населеніе лишилось бы запасныхъ для своей колонизаціи земель въ Донско-Каспійской области и отдѣлилось бы отъ своихъ соплеменниковъ, какъ въ этой области, такъ и въ Кубанской.

народамъ Россіи, не исключая и того, національность котораго является въ этомъ государствѣ господствующею. Этотъ врагъ можетъ быть побѣжденъ только совокупными усиліями всѣхъ народовъ Россіи, которые и должны для этого организоваться какъ внутри себя, такъ и между собою. „Вільна Спілка“ и должна прежде всего заняться организаціей среди украинскаго населенія силъ, способныхъ къ борьбѣ съ упомянутымъ врагомъ, чтобъ затѣмъ приступить вмѣстѣ съ другими подобными ей организаціями къ нападенію на этого врага и къ преобразованію Россійскаго государства на началахъ политической свободы. Сосредоточеніе на первыхъ порахъ дѣйствій „Вольнаго Союза“ на украинскихъ областяхъ тѣмъ самымъ вовсе не отклонило бы его дѣйствій отъ всей Россіи, а только дало бы имъ наиболѣе практическое направленіе. Даже и исключительное посвященіе образованныхъ людей, живущихъ на Украйнѣ, дѣятельности въ пользу тамошняго народа, не осталось бы безъ вліянія и на всю Россію, такъ какъ характеръ, способности и традиціи украинскаго народа даютъ возможность надѣяться на быстрый среди него успѣхъ освободительныхъ идей, если только образованные люди на Украйнѣ отбросятъ свой теперешній нравственный и физическій абсентеизмъ и искренно обратятся къ своему народу. Въ такомъ случаѣ возбужденныя къ свободнымъ стремленіямъ украинскія области не остались бы безъ вліянія и на всю Россію. Но о какой бы то ни было украинской исключительности теперь странно и говорить. Горячее стремленіе добыть для украинскаго населенія права человѣка и гражданина и самоуправленіе, при упомянутомъ выше сознаніи трудности и ненужности для украинскихъ областей Россіи политическаго сепаратизма, составляетъ именно залогъ того, что люди, посвятившіе себя освобожденію украинскаго народа, будутъ самыми горячими сторонниками преобразованія всей Россіи на началахъ, наиболѣе благопріятныхъ для свободы и развитія всѣхъ ея народовъ.

Вотъ важнѣйшія изъ соображеній, которыя говорятъ въ пользу необходимости друзьямъ свободы и

развитія, живущимъ среди украинскаго населенія Россіи, соединиться прежде всего въ мѣстное политическое общество и затѣмъ уже, вступая въ союзъ съ подобными же обществами въ другихъ областяхъ, дѣйствовать для свободы и развитія всей Россіи.

Но жители украинскихъ областей Россіи не могутъ ограничить своей дѣятельности только ея политическими границами. Украинское населеніе восточныхъ областей Австро-Венгріи есть прямое продолженіе такого же населенія югозападной Россіи. Не смотря на нѣкоторыя отличія, зависящія отъ государственныхъ условій, бытъ, національно-культурныя задачи и даже соціальное положеніе украинскаго народа въ сущности одинаковы по обѣ стороны рѣки Збручъ, составляющей границу между австрійской Галиціей и россійской Подольской губерніей. Не только непосредственное сосѣдство, но и направленіе рѣкъ и дорогъ, относительная густота населенія и вслѣдствіе этого движеніе товаровъ и людей, ищущихъ заработка, и т. п. причины приводятъ населеніе прикарпатской Украйны въ постоянное соприкосновеніе съ ихъ соплеменниками въ Россіи. Ближайшее знакомство съ вопросомъ показываетъ, что политическая граница между Россіей и Австріей существуетъ здѣсь гораздо больше для высшихъ классовъ (и то преимущественно для „православныхъ", а не для католиковъ или поляковъ и не для евреевъ), чѣмъ для народныхъ массъ, крестьянъ. Эти послѣдніе по обѣ стороны границы не только живутъ однимъ бытомъ, роднятся, ходятъ чрезъ границу на заработки, но обмѣниваются продуктами нравственной жизни: такъ, напр., пѣсни о крѣпостномъ правѣ, рекрутчинѣ, эмансипаціи крестьянъ и т. п. по обѣ стороны границы почти одинаковы, несмотря на то, что крѣпостное право было смягчено въ Австріи еще въ к. XVIII в., а отмѣнено уже 1848, что военные порядки въ обоихъ государствахъ всегда были разные и что австрійскіе и россійскіе украинцы никогда не знали совмѣстной рекрутчины. Русское правительство поняло значеніе этого нравственнаго обмѣна, когда послѣ крестьянскихъ волненій въ Австріи въ 1846—1848 гг. запретило входъ оттуда въ Россію

разнощикамъ и заработчанамъ, которые распространяли здѣсь противупомѣщичьи идеи. И теперь галицкіе заработчане въ Россіи являются разносителями противупаспортныхъ и вообще болѣе свободныхъ политическихъ идей и національныхъ стремленій, а съ другой стороны аграрныя движенія, бывшія въ россійской правобережной Украйнѣ въ 1862—1863 гг., за которыми послѣдовали аграрныя льготы, принятыя правительствомъ въ 1863—1865 гг., отражаются и на Галиціи возбужденіемъ у крестьянъ мысли о пересмотрѣ поземельныхъ отношеній.

Въ настоящее время взаимная роль Украйны Галицкой и Россійской по отношенію къ намѣченнымъ выше цѣлямъ „Вольнаго Союза" представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Осуществленіе извѣстной части упомянутыхъ цѣлей въ Украйнѣ Россійской, установленіе въ Россіи политической свободы, которая поведетъ за собою крѣпкую организацію интеллигенціи для работы въ пользу своего народа, будетъ имѣть рѣшительнѣйшее вліяніе на ту борьбу, которая ведется теперь въ Австрійской Украйнѣ противъ національно-соціальнаго гнета надъ тамошнимъ народомъ.[1] Независимо отъ непосредственной помощи, которая несомнѣнно будетъ тогда подаваема австрійскимъ украинцамъ изъ Россіи, уже одна нравственная поддержка освобожденнаго и организованнаго россійскаго большинства украинскаго племени должна оказать рѣшительное вліяніе на поднятіе духа у австро-венгерскаго меньшинства этого племени.[2] Съ другой же стороны, даже и теперь, при всѣхъ невыгодахъ положенія украинцевъ въ Австро-Венгріи, страна ихъ, благодаря извѣстной политической свободѣ, можетъ оказать полезное вліяніе на Украйну Россійскую. Всѣмъ извѣстно, что

---

[1] Къ сожалѣнію, борьба эта ведется сколько-нибудь энергично только въ Галиціи, а очень слабо въ Буковинѣ и вовсе не ведется въ Украйнѣ Венгерской, нравственно опустошенной московско-славянофильской пропагандой, которая призракомъ московскаго панрусизма сначала оторвала мѣстную интеллигенцію отъ народа, а затѣмъ неизбѣжно предала эту безпочвенную интеллигенцію въ жертву аристократическому мадьяризму.

[2] Не невозможная вещь, что вліяніе украинскихъ областей въ Россіи на весь россійскій государственный союзъ побудитъ послѣдній и къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Австро-Венгріи, если въ послѣдней украинцы будутъ оставаться въ столь же невыгодномъ положеніи, какъ теперь.

Галиція уже съ 1863 г. служитъ мѣстомъ, гдѣ печатаются украинскія произведенія, преслѣдуемыя русскою цензурою. Австрійская конституція дозволяетъ образованіе политическихъ обществъ, созваніе сходокъ, а потому въ Австрійской Украйнѣ возможно, напримѣръ, основаніе рабочихъ и крестьянскихъ союзовъ какъ по національностямъ, такъ и интернаціональныхъ, изъ народностей, какія находятся и въ Россійской Украйнѣ: изъ украинцевъ, евреевъ, поляковъ и румынъ. Образованіе такихъ союзовъ составляетъ теперь въ Австро-Венгерской Украйнѣ настоятельную необходимость, осуществленіе которой, по разнымъ причинамъ, врядъ ли можетъ быть исполнено теперь безъ помощи изъ Россійской Украйны. Помощь эта была бы вознаграждена вліяніемъ упомянутыхъ обществъ и на Россійскую Украйну, какъ посредствомъ естественнаго, такъ сказать, всасыванія, такъ и примѣромъ и опытомъ, который, по установленіи политической свободы въ Россіи, могъ бы быть прямо перенесенъ въ Россійскую Украйну. Вотъ почему извѣстное, хотя бы пока и косвенное, участіе въ дѣлахъ Австро-Венгерской Украйны особенно интересно для тѣхъ изъ членовъ „Вольнаго Союза", которые имѣютъ болѣе интернаціональныя стремленія и держатся соціалистическихъ идей, не находящихъ себѣ теперь приложенія въ Россіи. Наконецъ, это участіе полезно для украинцевъ россійскихъ вообще, такъ какъ оно ведетъ къ установленію связей ихъ съ западно-европейскою политическою жизнью, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе сложною и высшею, по развитію всѣхъ ея отправленій, а потому и могущей служить школой для всѣхъ общественныхъ дѣятелей въ Россіи.

Изъ сказаннаго нѣсколько выше слѣдуетъ, что мы представляемъ себѣ Украйну, не только какъ единицу этнографическую, но и какъ страну съ извѣстной однородностью географическихъ и экономическихъ условій, а потому тѣмъ болѣе не можемъ имѣть въ виду исключительно только украинское населеніе этой страны, забывая разныя иноплеменныя колоніи, въ ней водворившіяся, жизнь которыхъ, какъ это

излишне и доказывать, не можетъ не быть тѣсно связана съ жизнью народа украинскаго и наоборотъ. Поэтому привлеченіе въ свою среду членовъ изъ этихъ колоній и установленіе при ихъ посредствѣ соглашеній между украинскимъ населеніемъ и упомянутыми колонистами къ обоюдной пользѣ, является, по нашему мнѣнію, для украинскаго Союза дѣломъ очень важнымъ. Въ случаѣ необходимости, въ „Вольномъ Союзѣ“ могутъ образоваться особые отдѣлы изъ такихъ иноплеменныхъ членовъ, или вообще спеціально назначенные для особаго воздѣйствія на разныхъ колонистовъ въ видахъ скорѣйшаго привлеченія ихъ къ общимъ цѣлямъ „Союза“.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что кромѣ общихъ дѣйствій въ упомянутыхъ цѣляхъ, представители разныхъ колоній могутъ быть полезны для разныхъ отдѣльныхъ, но существенно важныхъ для всего населенія украинскихъ областей цѣлей. Для направленія рѣшенія внутреннихъ дѣлъ въ Украйнѣ Россійской изъ колонистовъ въ ней имѣютъ особенное значеніе: румыны (въ Херсонской губерніи), поляки и великоруссы и кромѣ того евреи и нѣмцы. Колонисты румыны, поляки и великоруссы важны особенно потому, что они представляютъ отпрыски народовъ-сосѣдей украинцамъ, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и въ Австріи (румыны въ Буковинѣ и поляки въ Галиціи) и служатъ естественною связью между украинскимъ народовъ и этими сосѣдями. Затѣмъ въ частности о политическомъ значеніи поляковъ и великоруссовъ надо замѣтить слѣдующее.

Поляки въ Россійской Украйнѣ являются въ видѣ: 1. отдѣльныхъ лицъ изъ болѣе или менѣе привиллегированныхъ классовъ, 2. цѣлыхъ крестьянскихъ поселковъ (въ Подоліи и по Зап. Бугу) и 3. мѣщанъ, составляющихъ значительный процентъ населенія въ нѣкоторыхъ городахъ, преимущественно Волынско-Полѣсскаго края. Конечно, интересы и стремленія значительной части поляковъ перваго рода сильно расходятся съ интересами украинскаго народа, а потому „Вольному Союзу“ слѣдуетъ ожидать себѣ изъ этой среды значительнаго и разнообразнаго противо-

дѣйствія. Но извѣстная часть поляковъ этого рода, болѣе образованная и гуманно развитая, и теперь уже сознаетъ невозможность установленія польскаго государства надъ украинскимъ населеніемъ, по крайней мѣрѣ, въ Россіи, а также необходимость экономическихъ и нравственныхъ уступокъ украинскому народу. Пониманіе своего положенія, а также привычки и естественная любовь къ родному краю должны побуждать этихъ поляковъ къ желанію самоуправленія этого края. А такъ какъ у поляковъ вообще довольно сильно развиты стремленія къ свободѣ и при этомъ довольно свѣжи воспоминанія о прежнемъ (хотя и несовершенномъ, по своей сословности) самоуправленіи по литовско-польскому праву, то можно надѣяться на извѣстный процентъ изъ теперешняго польскаго дворянскаго класса въ россійской Украйнѣ, который вполнѣ искренно можетъ присоединиться къ „Вольному Союзу". Постановка вопроса о правахъ человѣка и гражданина въ уставѣ этого Союза должна, кажется, вполнѣ удовлетворять и національныя стремленія такихъ поляковъ, поскольку они состоятъ въ желаніи оградить свою національность, а не навязать ее другимъ. Что же касается до польскихъ поселковъ, а также горожанъ, то та же постановка вопроса о личныхъ правахъ, и, кромѣ того, о самоуправленіи общинномъ, въ которомъ могутъ найти себѣ обезпеченіе и выраженіе національно-культурные интересы всякаго сколько-нибудь крупнаго меньшинства населенія въ каждой области, настолько можетъ удовлетворить ихъ національныя стремленія, что сочувствіе и поддержка „Вольному Союзу" со стороны этой части польскаго населенія будетъ зависѣть только отъ степени знакомства ея съ его стремленіями.

Колонисты великорусскіе могутъ быть раздѣлены на группы, подобныя вышеприведеннымъ польскимъ раздѣленіямъ, и до нѣкоторой степени находятся въ подобныхъ же отношеніяхъ къ украинскому населенію. Различіе заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ великорусскомъ крестьянскомъ и мѣщанскомъ населеніи гораздо сильнѣе идеи монархи-

ческія, чѣмъ въ польскомъ, и если, съ одной стороны, въ образованныхъ великоруссахъ и овеликорушенныхъ дворянахъ на Украйнѣ не такъ сильны, какъ въ соотвѣтственныхъ польскихъ и ополяченныхъ слояхъ, стремленія сословныя, но зато въ нихъ существуютъ стремленія государственно-централистическія, какъ у людей, принадлежащихъ къ народности, господствующей въ государствѣ. Эти послѣднія стремленія могутъ быть ослабляемы вліяніемъ изъ коренныхъ великорусскихъ областей, особенно изъ окраинныхъ, въ которыхъ идеи децентрализаціи тѣмъ скорѣе могутъ взять верхъ, что тамошніе жители легче, чѣмъ колонисты среди подчиненной народности, могутъ увидѣть, что государственно-національная централизація и не даетъ имъ вовсе никакой существенной выгоды и лишаетъ ихъ самихъ свободы и самоуправленія.

Изъ евреевъ значительная часть, капиталисты и ихъ ближайшіе агенты, конечно, имѣетъ экономическіе интересы противоположные интересамъ украинскаго народа и отчасти потому уже, какъ это показываютъ и примѣры западноевропейскихъ странъ (Германія и Австрія), въ которыхъ евреи составляютъ сколько-нибудь значительный процентъ населенія, скорѣе должна стать на сторону политической централизаціи, нежели самоуправленія, особенно уѣзднаго и областного. Но среди украинскихъ евреевъ есть извѣстная часть (среднимъ числомъ отъ $^1/_4$ до $^1/_3$) населенія вполнѣ производительнаго труда (ремесленники, земледѣльцы), которые могутъ быть, при посредствѣ образованныхъ и гуманно развитыхъ людей изъ числа украинцевъ и евреевъ, вполнѣ сближены съ украинскимъ народомъ, А, кромѣ того, у всего теперешняго еврейскаго населенія на Украйнѣ есть извѣстные интересы и стремленія, подходящія къ изложенной выше программѣ. Такъ, евреи способны вполнѣ сознательно желать осуществленія всей полноты правъ человѣка и гражданина по этой программѣ и ограниченія произвола властей, а также самоуправленія общиннаго; послѣднее въ виду того, что евреи у насъ живутъ густыми массами, составляя во многихъ общинахъ большинство населенія. Нако-

нецъ, евреи, какъ принадлежащіе къ религіи, только терпимой по законамъ Россіи и какъ собственно не имѣющіе уже духовенства, не могутъ не быть сторонниками полной вѣротерпимости, даже въ ея крайнемъ примѣненіи, — въ полномъ раздѣленіи церкви отъ государства (согласно пункту е раздѣла А 1 § III-ей статьи нашего проекта Устава). Евреи повсюду въ Западной Европѣ способствовали ослабленію клерикальнаго элемента въ политикѣ, а при огромномъ сравнительно количествѣ ихъ въ Россіи евреи, вмѣстѣ съ другими многочисленными же разновѣрцами и сектантами, могутъ тѣмъ болѣе успѣшно помочь достиженію этой существенной для развитія всѣхъ народовъ цѣли.

Нѣмцы на Украйнѣ — преимущественно крестьяне, которыхъ если и можно въ чемъ-нибудь упрекнуть по отношенію ихъ къ туземцамъ, то развѣ только въ отчужденности, нѣсколько высокомѣрной. Въ послѣднее время отчужденность эта стала ослабѣвать, и между лицами и кружками обоихъ племенъ устанавливается видимая связь въ религіозныхъ братствахъ, извѣстныхъ обыкновенно подъ именемъ штундовыхъ. Въ этомъ отношеніи вліяніе нѣмецкихъ колонистовъ на украинцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ цѣлямъ. Вліяніе это помогаетъ возвращенію украинскаго народа на путь къ реформаціи, на который народъ этотъ было вступилъ въ XVI в. (когда среди него распространялся кальвинизмъ и даже социновскій антитринитаризмъ, когда и православныя церковныя братства заявляли стремленія подчинить клиръ свѣтскому обществу), и съ котораго пути сбили украинскій народъ только исключительно несчастныя обстоятельства (Брестская Унія съ ея послѣдствіями, опустошительныя войны, подчиненіе украинской церкви московской и т. п.). Протестантское же движеніе, проявляющееся въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Украйны, при поддержкѣ колонистовъ-нѣмцевъ, конечно, подталкиваетъ украинскій народъ на путь всецѣлаго освобожденія разума отъ всякихъ путъ. Вслѣдствіе этого украинское политическое общество должно поддерживать начавшееся сближеніе между

украинскимъ народомъ и нѣмцами-колонистами въ интересѣ перваго. Что же касается до самихъ этихъ колонистовъ, то члены такого общества должны поставлять имъ на видъ, что такъ какъ теперь прошло уже время льготъ и привилегій, которыя давало имъ царское правительство Россіи, то благосостояніе, развитіе и самая религіозная свобода колонистовъ можетъ быть теперь обезпечена только посредствомъ политическихъ вольностей, общихъ всему населенію государства, особенно посредствомъ огражденія правъ человѣка и гражданина и общиннаго самоуправленія, каковыя вольности могутъ быть пріобрѣтены только совокупными усиліями всѣхъ элементовъ населенія Россіи.

Таковы важнѣйшія изъ точекъ соприкосновенія между интересами украинскаго народа и интересами различнаго рода колонистовъ на Украйнѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при надлежащемъ разъясненіи этихъ точекъ и при систематическомъ дѣйствіи „Вольнаго Союза" по отношенію ко всѣмъ элементамъ населенія Украйны и ея сосѣдей, возможно, въ однихъ случаяхъ скорѣе, въ другихъ медленнѣе, привлеченіе представителей всѣхъ этихъ элементовъ къ содѣйствію „Вольному Союзу" для достиженія его ближайшихъ и дальнѣйшихъ цѣлей.

Сказанное сейчасъ прилагается къ такимъ колонистамъ, которые имѣютъ значеніе преимущественно для отношеній украинскаго народа въ предѣлахъ Россіи. Но между колонистами на Украйнѣ есть и другіе, которые имѣютъ значеніе преимущественно для отношеній заграничныхъ, теперь не такъ бросающихся въ глаза, но тѣмъ не менѣе не послѣдней важности. Это болгары и греки, крымскіе татары и отчасти упомянутые уже румыны. Колонисты эти связываютъ населенія Украйны съ народами Балканскаго полуострова, съ которыми одни уже географическія условія, какъ напр. то, что выходъ изъ омывающаго берега Украйны и принимающаго всѣ ея рѣки Чернаго моря (съ Азовскимъ) на великіе международные водные пути (Средиземноморскій и Суэцкій) лежитъ чрезъ проливы, отдѣляющіе Балканскій полу-

островъ отъ Азіи, приводятъ украинскія населенія въ ближайшее соприкосновеніе. Извѣстно, какое значеніе имѣетъ для всей Россіи такъ называемый восточный вопросъ. Этотъ вопросъ навязанъ Россіи, (которая, пока была только великорусскимъ государствомъ балтійско-каспійскаго бассейна, совершенно была далека отъ этого вопроса), только присоединеніемъ къ ней украинскихъ областей (черноморскаго бассейна), и не можетъ быть рѣшенъ только одною внѣшнею дѣятельностью государства. Благопріятное для всѣхъ ближайше заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ народовъ (жителей бассейновъ черноморскаго и средиземноморскаго) разрѣшеніе этого вопроса можетъ быть съ россійской стороны достигнуто только культурно-экономическимъ развитіемъ населеній юга Россіи (преимущественно украинцевъ и румыновъ), невозможнымъ безъ политической ихъ свободы, безъ которой также невозможно и симпатическое отношеніе къ россійскому государственному союзу народовъ Балканскаго полуострова и вообще средиземноморскаго бассейна.

Въ извѣстной степени входитъ въ область внѣшней политики и вопросъ объ отношеніяхъ украинцевъ къ полякамъ, такъ какъ поляки живутъ не только внутри Россійской Имперіи, какъ колонисты среди украинцевъ, бѣлоруссовъ и литвиновъ, и какъ нація отдѣльно, но и въ Австріи, и въ Пруссіи. Въ Австріи поляки находятся теперь въ положеніи націи господствующей и именно надъ украинцами, но въ Пруссіи они сами подчинены націи нѣмецкой, какъ въ Россіи великорусской. Хотя и въ средѣ россійскихъ поляковъ еще довольно крѣпки идеи объ „исторической Польшѣ“, т. е. польскомъ государствѣ, владѣющемъ и Литвою, Бѣлоруссіей и Украйной, но всетаки у нихъ уже развивается идея о равноправности подчиненныхъ когда-то польскому государству народовъ съ польскимъ, и изъ среды россійскихъ поляковъ, особенно живущихъ въ коренной польской области, какъ и изъ среды поляковъ прусскихъ, въ послѣднее время выходятъ все чаще голоса, осуждающіе нетерпимость господствующихъ въ Галиціи польскихъ партій по

отношенію къ украинцамъ. Вслѣдствіе упомянутаго двойственнаго положенія поляковъ и двойственнаго же отношенія поляковъ къ украинскому народу двоякимъ должно оказаться и отношеніе къ нимъ „Вольнаго Союза“. Нечего и говорить, что всякаго рода стремленіе поляковъ къ возстановленію историческаго польскаго государства можетъ встрѣтить только противодѣйствіе со стороны украинскаго союза. Но зато движеніе къ добытію для польскаго населенія правъ человѣка и гражданина и самоуправленія для этнографически польской области должно быть признано соотвѣтствующимъ цѣлямъ этого союза. Украинцы не могутъ позволить себѣ высказывать съ рѣшительностью свои мнѣнія о практическихъ вопросахъ другихъ народовъ, а потому и мы не беремся говорить рѣшительно о вопросѣ о такомъ или иномъ отдѣленіи польской области Россіи въ особое государство, но все же думаемъ, что преобразованіе Россіи на началахъ политической свободы согласно, напр., пункту III-му I-ой части настоящаго проекта, могло бы, по крайней мѣрѣ надолго, удовлетворить существеннѣйшіе интересы польскаго населенія въ Россіи, какъ въ коренной польской области, такъ и въ колоніяхъ. Присоединеніе же поляковъ къ совмѣстному дѣйствію противъ теперешняго русскаго правительства для установленія въ Россіи политической свободы, согласно этому пункту, по нашему мнѣнію, увеличило бы силу освободительнаго движенія въ Россіи, а потому достиженіе соглашенія съ поляками на этихъ началахъ должно составить одну изъ важнѣйшихъ задачъ украинскаго союза.[1] Затѣмъ разрѣшеніе польскаго вопроса въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ существен-

[1] Какъ вполнѣ личное мнѣніе мы позволимъ себѣ замѣтить, что отдѣленіе польской области отъ Россіи собственными усиліями поляковъ не имѣетъ вѣроятностей успѣха и врядъ ли было бы выгодно для польскаго племени при всѣхъ настоящихъ условіяхъ политической жизни въ Европѣ. Не говоря уже о томъ, что для привислянскаго польскаго населенія врядъ ли было бы выгодно въ экономическомъ да и въ нравственномъ отношеніи отдѣленіе отъ областей Днѣпровскаго бассейна (а только объ отдѣленіи „Привислянскаго края“ и можетъ быть сколько-нибудь серьезная рѣчь), но даже и это отдѣленіе могло бы совершиться только при помощи Германской имперіи, которая, конечно, поставила бы польскую область въ подчиненное себѣ положеніе. Вотъ почему мы бы теперь подали голосъ противъ всякой практической поддержки украинцами польскаго сепаратистическаго движенія и поставили бы цѣлью усилій украинскихъ политическихъ дѣятелей въ сношеніяхъ съ поляками — привлеченіе послѣднихъ къ программѣ превращенія Россіи въ свободно-союзное государство.

нѣйшихъ для практическихъ интересовъ польскаго населенія чертахъ, при совокупномъ дѣйствіи представителей всѣхъ славянскихъ племенъ ея, несомнѣнно оказало бы вліяніе и за границей Россіи, между прочимъ, и на улучшеніе положенія поляковъ въ Пруссіи, а также и на улучшеніе отношеній между поляками и украинцами въ Австріи. Здѣсь уже одно нравственное давленіе поляковъ россійскихъ и прусскихъ, конечно, при извѣстной энергіи самихъ украинцевъ, подѣйствовало бы на ослабленіе нетерпимости ихъ соплеменниковъ и на образованіе между ними партіи демократической, которая бы признала, что совокупная работа съ украинцами для блага народовъ польскаго и украинскаго составляетъ болѣе достойное нашего времени дѣло, чѣмъ тѣ проявленія національной, сословной и религіозной исключительности, какіе мы видимъ теперь въ австрійской Польшѣ и Украйнѣ.

Конечно, вопросы болѣе или менѣе далекаго будущаго и вопросы внѣшней политики не могутъ настолько заботить членовъ украинскаго союза, какъ вопросы ближайшіе и политики внутренней, но совершенно закрывать глаза на первые, особенно въ виду того, что событія,—какъ это много разъ было и въ послѣднее время, напр. въ 1861—63 и 1875—78 гг.,—могутъ во всякую минуту выдвинуть ихъ на первый планъ, непозволительно для людей, выходящихъ на политическую дѣятельность. Необходимо поэтому, чтобы украинскій Союзъ держался опредѣленнаго взгляда и на внѣшнюю политику Россіи, поскольку она косвенно и прямо связана съ украинскими интересами, и поддерживалъ какъ внутри Россіи, такъ и за границей извѣстные, наиболѣе вѣрные и въ то же время наиболѣе отвѣчающіе этимъ интересамъ взгляды на эту политику, впредь до тѣхъ поръ, пока участвующія въ общемъ самоуправленіи всѣхъ областей Россійскаго государственнаго союза украинскія области получатъ возможность непосредственно оказывать свое вліяніе на направленіе внѣшней политики этого союза.

Къ пункту л, разд. А, § I статьи III-ей. Право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ чиновниковъ

провозглашенное, между прочимъ, французскимъ конституціоннымъ актомъ 24 іюня 1793 г. (Declaration des droits de l'homme et du citoyen, art. 11) было неоднократно признано англійскими судами. Напримѣръ, въ правленіе королевы Анны полицейскій (констебль) хотѣлъ арестовать одного человѣка внѣ своей компетенціи и, слѣдовательно, незаконно; одинъ прохожій оказалъ помощь арестовываемому, и въ завязавшейся борьбѣ констебль былъ убитъ. Двѣнадцать судей подъ предсѣдательствомъ Lord chief justice Гольта рѣшили, что „случай ареста лица незаконною силою достаточно оправдываетъ сострадательное рѣшеніе проходящаго поспѣшить на помощь этому лицу; что всякое нарушеніе свободы подданнаго есть вызовъ всѣмъ подданнымъ короля Англіи, что всякій имѣетъ основаніе принять къ сердцу Актъ habeas corpus и т. д.“ (Laferrière, Les Constitutions d'Europe et d'Amérique, 1869, 423—424).

Къ примѣчанію II къ раздѣлу А въ статьѣ III-ей. Сознательные и дальновидные сторонники свободы въ С. Америкѣ, среди самаго вооруженнаго возстанія за независимость, не побоялись, ни по военнымъ, ни по политическимъ соображеніямъ, постановить, что „никто, кромѣ лицъ, входящихъ въ составъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ или состоящихъ въ дѣйствующемъ ополченіи, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть подчиненъ уставу военнаго положенія (martial-law), ни подвергнуть наказаніямъ на основаніи этого устава.“ (§ 29 конституціи шт. Мерилендъ.)

Къ § 1-му раздѣла Б, статьи III. Въ перечисленіи единицъ мѣстнаго самоуправленія существующая въ Россіи административная и земская единица, губернія, опущена и замѣнена новою, областью. Эта послѣдняя впрочемъ не можетъ называться вполнѣ неслыханнымъ нововведеніемъ, — такъ нѣчто подобное ей представляютъ теперь округа учебные и судебные, генералъ-губернаторства, а въ прошломъ представляли губерніи Петра Великаго.

Теперешнія губерніи, выкроенныя для чисто административныхъ цѣлей и по канцелярскимъ соображеніямъ, часто совершенно случайнымъ, представляются

единицами совершенно неудобными для интересовъ земскихъ. Земская единица, средняя между уѣздомъ и государствомъ, должна бы соединять въ себѣ слѣдующія условія: 1. обнимать собою края однородные по характеру земли и населенія, 2. быть достаточно населенною, чтобъ имѣть средства для удовлетворенія потребностей мѣстныхъ, но все же совершенно непосильныхъ уѣздамъ (напр., канализацію, орошеніе и осушеніе почвы, содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній и т. п.), 3. достаточно обширною, чтобъ ея представительство стояло въ извѣстномъ отдаленіи отъ болѣе мелкихъ дѣлъ уѣзда и въ то же время, чтобъ оно могло имѣть вѣсъ предъ государствомъ, т. е. чтобы въ первомъ случаѣ оно могло не стѣснять, а во второмъ ограждать мѣстное самоуправленіе. Ни одному изъ этихъ условій не удовлетворяетъ теперешняя губернія, и потому то для нихъ должна быть образована новая земская единица — область. Сознаніе ея необходимости уже и теперь проявляется въ обществѣ: въ ходатайствахъ многихъ земствъ о съѣздахъ изъ нѣсколькихъ губерній, объ учрежденіи извѣстныхъ каѳедръ при высшихъ школахъ, существующихъ для цѣлаго округа, объ открытіи высшихъ учебныхъ заведеній для нѣсколькихъ губерній и т. п.[1] Такъ какъ вся административно-политическая практика Россіи съ конца XVIII в. не благопріятствовала объединенію и даже сознанію областныхъ интересовъ, то, конечно, теперь трудно сразу намѣтить точно областное подраздѣленіе Россіи, которое можетъ быть только результатомъ заявленій уѣздовъ. Въ экстренномъ случаѣ можно бы было остановиться на учебныхъ или судебныхъ округахъ, съ тѣмъ, чтобъ въ областныя собранія, созванныя по этимъ округамъ, представлены были соображенія собраній уѣздныхъ относительно распредѣленія уѣздовъ по областямъ. Мы позволяемъ себѣ предполагать, что предоставленные на ихъ волю уѣзды распредѣлились бы въ области, въ родѣ тѣхъ, какія мы рѣшились намѣтить въ примѣчаніи къ объясняемому теперь пункту.

---

[1] См. объ этомъ, между прочимъ, „Земскую хронику“ въ „Вольномъ Словѣ“ № 61—62.

За основаніе этого дѣленія мы брали не одинъ какой-либо признакъ земли или населенія, а по возможности совокупность особенностей края: природныхъ, которыя обусловливаютъ единство хозяйственныхъ интересовъ его жителей, а также особенностей національныхъ, опредѣляющихъ единство ихъ интересовъ нравственныхъ, при чемъ мы обращали преимущественное вниманіе на особенности перваго рода. Собственно національныя права ограждаются, по мысли нашего проекта Устава, признаніемъ правъ человѣка и гражданина, которыхъ они составляютъ часть. Въ силу этого признанія всякій національный языкъ, — главный и имѣющій наиболѣе практическаго значенія признакъ національности, — т. е., языкъ сколько нибудь значительной группъ населенія, долженъ пользоваться неотъемлемымъ правомъ употребленія въ школѣ, судѣ и другихъ публичныхъ учрежденіяхъ. Затѣмъ самоуправленіе общинное и уѣздное достаточно можетъ оградить неприкосновенность національныхъ языковъ въ обученіи, особенно начальномъ, гдѣ это особенно нужно для успѣха дѣла. Конечно, и область должна служить огражденію и развитію нравственныхъ интересовъ національности, но когда эти интересы достаточно ограждены другими условіями, тогда при рѣшеніи вопроса объ устройствѣ областей можно, вполнѣ безъ страха за національные интересы, обратить особенное вниманіе на интересы другого порядка, напр., хозяйственные. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ нашего предположенія раздѣленія областей Россіи допущена смѣшанность населенія, въ другихъ населеніе одной національности раздѣлено на нѣсколько областей, какъ это имѣетъ мѣсто особенно относительно національностей многолюдныхъ и занимающихъ обширныя страны, какъ, напр., великоруссы и украинцы, которыя если бы они составляли даже особыя государства, то все же должны бы были, во избѣжаніе неудобствъ централизаціи, быть раздѣлены на области. Вообще въ поясненіе и оправданіе предлагаемаго здѣсь на судъ общества проекта областного раздѣленія Россіи можно сказать, что оно больше. соотвѣтствуетъ раздѣленію

Швейцаріи, чѣмъ тому, къ которому стремятся національные политики Австрійской Имперіи: въ Швейцаріи живетъ населеніе трехъ крупныхъ національностей: французской, нѣмецкой и итальянской, и двухъ малолюдныхъ разновидностей романскаго племени (такъ называемые ретороманцы въ контонѣ Граубюнденскомъ) — и всѣ эти національности пользуются каждая въ своемъ мѣстѣ полными правами, но въ политическомъ отношеніи населеніе швейцарское сгруппировано не въ національныя области, а въ кантоны, изъ которыхъ многіе имѣютъ смѣшанный національный составъ.

Изъ предположенныхъ нами областей Россіи требуютъ особыхъ оговорокъ:

1. Область Балтійская. Одинаковыя хозяйственныя условія земли Эстонской (въ тепер. Эстляндской губерніи и сѣверной части Лифляндской) и Латышской (въ южной части Лифляндской губерніи и въ Курляндіи), а также одинаковое распространеніе въ нихъ нѣмецкаго населенія заставляетъ соединить эти земли въ одну область. Къ ней естественно должны принадлежать латышскіе уѣзды Витебской губерніи, оторванные отъ Лифляндіи совершенно случайно и ничего общаго съ бѣлорусскою землею въ нравственномъ отношеніи не имѣющіе.

2. Область Литовская естественно должна обнимать собою и большую часть губерніи Сувалкской. Послѣдняя населена литовцами и до раздѣла Польши входила въ составъ Литвы и только потому попала въ Царство Польское 1815 г., что передъ тѣмъ, будучи по дипломатическому глазомѣру прирѣзана къ Пруссіи, а потомъ отрѣзана отъ нея въ совершенно искусственное Наполеоновское Герцогство Саксонское, попала затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ во власть Россіи, при чемъ и оставалась въ новообразованномъ Царствѣ Польскомъ 1815 г., благодаря полному невѣжеству русскаго правительства въ дѣлахъ его областей. Кромѣ племенного родства, всѣ экономическіе интересы тянутъ эту часть Литвы къ Нѣману, къ остальной Литвѣ, а не къ Вислѣ и Польшѣ.

3. Область Польская опредѣлена нами, сообразно

этнографическимъ границамъ польскаго племени на востокѣ, а также экономическому тяготѣнію населеній по Вислѣ и Нареву къ Варшавѣ.

4. Предположенное нами очертаніе области, которую мы назвали Полѣсскою, конечно, вполнѣ противорѣчитъ теперешнимъ административнымъ дѣленіямъ этой мѣстности, но зато, по нашему мнѣнію, вполнѣ отвѣчаетъ географическимъ и этнографическимъ условіямъ ея, экономическимъ интересамъ населенія и даже прежнимъ историческимъ ея дѣленіямъ. Забужская Украйна (бывшая Холмская эпархія) попала въ Царство Польское 1815 г. и остается въ немъ по причинамъ, подобнымъ тѣмъ, по которымъ попала туда и Занѣманская Литва. Даже во время существованія Польши въ союзѣ въ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ (не говоря уже о болѣе раннихъ временахъ, когда областная группировка была еще свободнѣе и натуральнѣе) — эта Забужская Украйна, — окрестности Холма, Бѣлой, Сѣдлеца, — отдѣлялась отъ чисто-польскихъ воеводствъ Мазовецкаго, Люблинскаго, а входила въ составъ восточныхъ, русскихъ провинцій: земли Холмской, воеводства Подляскаго и Бресткаго (входившаго въ Великое Княжество Литовское). Характеръ большинства населенія (русины) и экономическое тяготѣніе къ Бресту говорятъ и теперь въ пользу отдѣленія этихъ краевъ отъ Польской области. Край же Брестскій, по населенію, принадлежитъ тоже къ украинскому племени, и по географическимъ условіямъ и экономическимъ интересамъ принадлежитъ къ одной области съ Полѣсьемъ, краемъ по Припети, по которой и распространялась почти до самаго Мозыря граница воеводства Бресткаго въ Великимъ Княжествомъ Литовскомъ, такъ что сѣверная граница этого воеводства почти совпадала съ теперешней границей украинскаго племени съ бѣлорусскимъ. Далѣе одинъ взглядъ на карту ясно показываетъ, что края по рѣкамъ Туріи, Стыри и Горыни, до рѣки Случи, составляющіе собственную Волынь (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ казенной Волынской губерніей, какъ это дѣлаютъ казенные учебники, даже писанные из-

вѣстными учеными, въ родѣ г. Иловайскаго) тѣсно связаны съ вышеупомянутымъ Припетскимъ краемъ. Такимъ образомъ вся предположенная нами Полѣская область является естественнымъ цѣлымъ, части котораго связывались и прежде рѣчными системами, а теперь чрезвычайно счастливымъ образомъ связываются цѣлой системой желѣзныхъ дорогъ: Жмеринско-Брестской, Здолбуново-Бродской, Ковельско-Ивангородской, Пинско-Жабинской и строющейся Ровенско-Пинско-Виленской. Область эта, имѣющая по своимъ природнымъ богатствамъ всѣ шансы для развитія, назначена играть важную роль между Украйной, Польшей и Литвой, какъ Харьковская область, на другомъ концѣ Украйны — роль между этой послѣдней и Великороссіей.

5. Область Одесская по нашему предположенію должна заключать въ себѣ между прочимъ все румынское населеніе Россіи, провести прямую границу между которымъ и населеніемъ украинскимъ не только въ Херсонской губерніи, но и въ самой Бессарабіи совершенно невозможно. Выдѣлять же въ особую область Бессарабію (1 052 000 жителей, изъ коихъ 49% румыновъ, 31% украинцевъ) неэкономно, по причинѣ малой величины этой области, и неудобно для національныхъ интересовъ херсонскихъ румыновъ (около 110 000).

6. Въ областяхъ великорусскихъ, какъ они предположены нами, распредѣляются въ каждой и однородныя группы племенъ финноуральскихъ и тюркскихъ.

Къ § 3 статьи III-ей; къ примѣчанію I. Примѣчаніе это составлено въ виду того, что поголовная подача голосовъ есть, конечно, система наиболѣе справедливая въ идеѣ, но на практикѣ, при выборахъ депутатовъ отъ извѣстныхъ чисто пространственныхъ округовъ, она обращается въ представительство чисто механическаго, часто зависящаго отъ ловкости избирательныхъ комитетовъ, а то и отъ административныхъ давленій большинства. Вслѣдствіе этого въ большей части западноевропейскихъ государствъ, гдѣ существуетъ эта повидимому столь

демократическая система, собственно демосъ, а особенно крестьяне, представлены въ парламентахъ гораздо меньше, чѣмъ даже при классовой системѣ выборовъ (напр., въ австрійскихъ сеймахъ или нашихъ земствахъ). Вотъ почему желательно было бы, чтобы, не отступая отъ положенія, что каждый гражданинъ долженъ имѣть право непосредственнаго голоса, наши избирательные законы не сгоняли бы избирателей въ чисто механическія массы, а чтобы избирательные сходы были составлены изъ лицъ близкихъ мѣстностей, а также однородныхъ занятій, напримѣръ, землевладѣльцы и земледѣльцы, ремесленники и торговцы, люди духовныхъ занятій (такъ называемыхъ профессій) и т. п.[1] Представительство меньшинства, вещь справедливая во всякомъ случаѣ, является особенно необходимымъ въ округахъ съ смѣшаннымъ національнымъ составомъ. Понемногу оно входитъ въ практику свободныхъ странъ, такъ, напр., оно уже существуетъ въ Англіи, по закону 1867 г., по которому въ округахъ, гдѣ выбирается болѣе 3 депутатовъ, никакой избиратель не можетъ подавать голосъ болѣе чѣмъ за двухъ кандидатовъ, такъ что меньшинство имѣетъ всегда по крайней мѣрѣ одного представителя на 3 выборныхъ отъ большинства. Примѣчаніе наше введено въ программу, для того чтобъ обратить на вопросъ организаціи представительства вниманіе тѣхъ лицъ, отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать разработки его примѣнительно къ нашимъ мѣстнымъ условіямъ.

Къ §§ 4—9 статьи III-ей. Параграфы эти имѣютъ цѣлью намѣтить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ основы мѣстнаго самоуправленія преимущественно относительно завѣдыванія дѣлами общественнаго хозяйства, благоустройства, благосостоянія и просвѣщенія, и только отчасти относительно устройства административно-полицейскаго. Подробности отложены до дальнѣйшей разработки членовъ „Вольнаго Союза“, а также до практики, въ которой, безъ сомнѣнія,

---

[1] Напомнимъ, что къ этому вопросу подошли уже въ Россіи люди практики: земскія собранія, напр., Владимірское губернское земство и Московская уѣздная управа (см. „Земство“, 1881, №№ 43 и 52).

начало мѣстнаго самоуправленія должно будетъ бороться съ началомъ централизаціи. Намъ кажется наиболѣе существеннымъ въ настоящее время устройство по изложеннымъ принципамъ органовъ мѣстнаго самоуправленія съ разными кругами дѣятельности, отъ общинныхъ до областныхъ, и предоставленіе имъ возможно болѣе всецѣлаго и съ наибольшею самостоятельностью завѣдыванія дѣлами, наиболѣе близкими повседневнымъ интересамъ населеній, т. е. дѣлами общественнаго хозяйства, благоустройства, благосостоянія и просвѣщенія. Самостоятельное вѣданіе этими дѣлами упрочило бы существованіе органовъ мѣстнаго самоуправленія и дало бы осязательныя основанія для постепеннаго расширенія круга ихъ вѣдѣнія, включая въ него и дѣла административно-полицейскаго характера.

Мы не имѣли и не имѣемъ въ виду писать подробные проекты административной и полицейской реформы въ Россіи, — работа, которая требуетъ болѣе спеціальнаго изученія и всесторонняго обсужденія людьми кабинета и практики. Мы имѣли въ виду по этому вопросу намѣтить только такіе пункты, которые слѣдуетъ считать основными въ дѣлѣ огражденія политической свободы, въ двухъ ея кругахъ: свободы личной и самоуправленія.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и та, и другое могутъ быть ограждены тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе органы полиціи и администраціи на всѣхъ своихъ ступеняхъ будутъ поставлены въ зависимость отъ самаго населенія, будучи назначаемы прямыми или косвенными выборами. А потому, конечно, наиболѣе желательнымъ было бы и для насъ то полицейское и административное устройство, какое существуетъ въ федеративныхъ республикахъ Швейцаріи, Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и т. п. Но мы не можемъ обольщать себя надеждою на скорое осуществленіе подобныхъ желаній на почвѣ Россіи, гдѣ радикальное примѣненіе выборности (прямой или косвенной) полицейскихъ и административныхъ лицъ и отсутствіе по областямъ политическихъ представителей центральной власти (какъ отсутствуютъ они въ

кантонахъ и штатахъ названныхъ федеральныхъ республикъ, безъ всякаго однакожъ ущерба для общихъ союзныхъ интересовъ, достаточно охраняемыхъ одними союзными властями) встрѣтитъ препятствіе не только въ монархическихъ преданіяхъ, но и въ предразсудкахъ государственной централизаціи, развитыхъ долгой исторіей во всѣхъ большихъ государствахъ материка Европы. А потому слѣдуетъ думать, что въ ближайшемъ будущемъ административно-полицейское устройство въ Россіи выйдетъ только соглашеніемъ началъ самоуправленія и централизаціи, выборности и назначенія, и слѣдуетъ заранѣе примириться съ этимъ, если при томъ будутъ ограждены интересы лицъ и мѣстныхъ коллективностей въ ихъ самыхъ существенныхъ, повседневныхъ дѣлахъ.

Необходимо, чтобъ этотъ компромиссъ былъ вполнѣ честнымъ и откровеннымъ договоромъ, который бы, съ одной стороны, предоставлялъ органамъ мѣстнаго самоуправленія извѣстную широту дѣйствія, а съ другой стороны, полагалъ бы строго опредѣленные предѣлы вмѣшательства назначаемыхъ сверху администраторовъ въ рѣшенія органовъ этого самоуправленія и ставилъ бы судьею между ними вполнѣ самостоятельное учрежденіе, которое не могло бы руководствоваться въ своихъ приговорахъ ни чѣмъ другимъ, кромѣ законовъ. На основаніи этихъ соображеній можетъ быть допущена на условіяхъ, намѣченныхъ во II-мъ примѣчаніи къ объясненному параграфу должность областного намѣстника, назначаемаго главою государства, но только этотъ намѣстникъ вовсе не долженъ быть ни „хозяиномъ области“ по отношенію къ администраціи вообще, какимъ хотѣли сдѣлать прежняго губернатора, ни властелиномъ надъ органами самоуправленія, какимъ въ сущности остался теперешній губернаторъ въ Россіи. Соединеніе областныхъ (нынѣ губернскихъ) административныхъ учрежденій подъ властью одного администратора не нужно ни для какихъ реальныхъ интересовъ ни областей, ни государства, даже централизованнаго. Нынѣшнія учрежденія губернскія: финансовыя, почтовыя, контрольныя и т. п., могли бы распредѣлиться по Россіи

согласно своимъ цѣлямъ и мѣстнымъ условіямъ, независимо отъ областныхъ подраздѣленій, подобно тому, какъ и теперь распредѣляются учрежденія судебныя, независимо отъ раздѣленій административныхъ, и будучи органами соотвѣтственныхъ общегосударственныхъ учрежденій не нуждаются еще въ мѣстномъ ихъ объединеніи, по существу дѣла совершенно формальномъ.

Областное намѣстничество могло бы существовать безъ вреда, только какъ посредникъ между органами мѣстнаго самоуправленія и правительствомъ центральнымъ. Обласной намѣстникъ могъ бы имѣть право протеста противъ дѣйствій и постановленій органовъ мѣстнаго самоуправленія, въ случаѣ нарушенія ими основныхъ законовъ и общихъ интересовъ государственнаго союза, съ тѣмъ, чтобы протесты противъ органовъ сельскихъ и волостныхъ разсматривались, напримѣръ, въ уѣздномъ съѣздѣ мировыхъ судей (который вообще могъ бы быть апелляціонной инстанціей на сельскія и волостныя учрежденія), а въ случаѣ несогласія мирового съѣзда съ намѣстникомъ переносились бы въ Сенатъ, который бы разсматривалъ и протесты намѣстника противъ дѣйствій и постановленій управъ и думъ городскихъ и уѣздныхъ. О дѣйствіяхъ же и постановленіяхъ управъ и думъ областныхъ намѣстникъ могъ бы только представлять свои заключенія на усмотрѣніе министерства, которое одно бы имѣло право опротестовывать ихъ, каковые протесты разсматривались бы въ Сенатѣ въ общемъ собраніи его департаментовъ съ призваніемъ къ объясненію уполномоченныхъ отъ областной думы. Въ пособіе намѣстнику по всѣмъ этимъ дѣламъ надзора за органами мѣстнаго самоуправленія могъ бы быть учрежденъ областной совѣтъ, половина членовъ котораго могла бы назначаться правительствомъ, а другая избиралась бы областными думами.

Что касается до устройства полиціи, важнаго особенно по отношенію, какое имѣетъ оно къ вопросу объ огражденіи личной свободы, то мы считаемъ существеннымъ условіемъ послѣдняго — избираемость, прямую или косвенную, чиновъ полиціи въ уѣздахъ

и городахъ, и отвѣтственность ихъ предъ уѣздными и городскими думами.[1] Затѣмъ, кто собственно будетъ выбирать этихъ чиновъ (нынѣшнихъ исправниковъ и полиціймейстеровъ), соотвѣтственныя ли думы (городскія и уѣздныя, или тѣ и другія вмѣстѣ) или управы, каковъ будетъ способъ назначенія подчиненныхъ этимъ чинамъ агентовъ, это вопросы второстепенные, равно какъ и вопросъ о подчиненности полиціи министерству внутреннихъ дѣлъ (преимущественно политическому), или же министерству юстиціи (что казалось бы намъ болѣе умѣстнымъ), а также вопросъ о нужности и устройствѣ областной полицейской инстанціи. Избирательность чиновъ полиціи, или назначеніе ихъ избранными управами, существующее, напримѣръ, въ кантонахъ Швейцаріи, конечно, является чѣмъ-то вродѣ ереси для бюрократіи и доктринеровъ государственности, но оно не представляетъ ничего особенно новаго даже для россійской практики, а тѣмъ болѣе для теоріи. Еще до 1862 г. въ Россіи существовали уѣздные исправники, избираемые дворянами, и хотя они, какъ вообще россійскія учрежденія стараго времени, не оставили по себѣ доброй памяти, но по меньшей мѣрѣ ничѣмъ не были хуже теперешнихъ уѣздныхъ начальниковъ, назначаемыхъ правительствомъ, а въ свое время были, конечно, приличнѣе правительственныхъ городничихъ. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ общество и печать въ Россіи сознавали неудовлетворительность полицейскаго устройства вообще и сословности земской полиціи, но не думали отказываться отъ принципа выборности въ этомъ отношеніи, а напротивъ желали его расширенія при всесословности. Въ такомъ духѣ состоялись въ 1858—60 гг. адресы и ходатайства, напримѣръ, адресъ нѣкоторыхъ депутатовъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, дворянскихъ собраній Владимірской, Орловской, Нижегородской и другихъ губерній, адресъ петербургскаго дворянскаго собранія, спеціально направленный противъ предположеній о преобразованіи уѣздной по-

[1] Мы разумѣемъ здѣсь собственно полицію безопасности, такъ какъ полиція благоустройства, по смыслу § 8, должна принадлежать прямымъ органамъ самоуправленія общиннаго, волостнаго и уѣзднаго.

лиціи на началахъ, осуществленныхъ въ 1862 г., и требовавшій въ замѣнъ того всесословнаго самоуправленія. (См. въ „Матеріалахъ для ист. упраздн. крѣп. сост.“, т. II и въ „Вольномъ Словѣ“ 1883, № 56 „Толците и отверзется“). И въ послѣднее время, когда поднялся вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія, многія земскія собранія высказались за избирательность уѣздныхъ начальниковъ или головъ и т. п., или, по крайней мѣрѣ, въ пользу представленія земствомъ правительству или сенату нѣсколькихъ кандидатовъ на такія должности. (См., напр., въ „Земствѣ“ 1881 г. № 24, мнѣніе Павлоградскаго земства, въ № 17 — Спасскаго, Ряз. губ., въ № 36, 43 — Владим. губ. з., въ № 41 — Черниговскаго, въ № 52 — Моск. уѣзд. з. упр., и т. д.; въ „Вольномъ Словѣ“ 1883 г., № 52 мнѣніе Костромскаго губернскаго земства, въ „Русск. Мысли“ 1883, декабрь, О преобразованіи мѣстнаго управленія: мнѣнія Воронежской и Калужской земскихъ комиссій, Псковскаго губернскаго земскаго собранія и др.).

Къ § 12 статьи III. Предварительное разсмотрѣніе всѣхъ финансовыхъ законовъ въ областныхъ думахъ существенно необходимо въ виду разнообразія экономической жизни областей Россіи. При такомъ способѣ законодательства не были бы возможны, напримѣръ, разрушительныя для украинскихъ областей постановленія, вродѣ теперешнихъ законовъ объ акцизѣ съ водки, табаку и т. п. По тѣмъ же причинамъ необходима и извѣстная доля законодательной самостоятельности областей Россіи. И теперь административныя и судебныя учрежденія, избирательные порядки, самое гражданское законодательство имѣютъ свои отличія, напримѣръ, въ Балтійскихъ губерніяхъ, въ Царствѣ Польскомъ, Бессарабіи, за Кавказомъ, въ казацкихъ земляхъ и даже въ губерніяхъ бывшей Гетманщины Малороссійской, не говоря уже о такъ называемыхъ инородцахъ. Но только теперь допущеніе и опредѣленіе мѣстныхъ учрежденій и законоположеній зависитъ всецѣло отъ центральной бюрократіи, обыкновенно ничего невѣдущей въ дѣлахъ областей. Предполагаемое нашимъ проектомъ предоставленіе

всѣхъ этихъ дѣлъ вѣдѣнію областныхъ собраній можетъ только обезпечить большую разумность въ приспособленіи учрежденій и законовъ къ разнообразію жизни областей, не устраняя выработанныхъ областными представителями проектовъ отъ контроля учрежденій все-государственныхъ.

Къ § 13 статьи III. Наслѣдственно-аристократическій характеръ англійской палаты лордовъ и разныя, болѣе или менѣе неудачныя подражанія ей въ новѣйшихъ конституціяхъ государствъ Западн. Европы создали въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ, — особенно французскихъ и тѣхъ, на какіе они имѣютъ вліяніе, — предубѣжденіе противъ двухъ палатъ, какъ противъ учрежденія будто бы недемократическаго и стѣснительнаго для прогресса. Но проектируемая нами Союзная Дума имѣетъ себѣ подобіе не въ верхнихъ палатахъ или сенатахъ европейскихъ государствъ, а въ сенатѣ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ или Совѣтѣ Кантоновъ (Conseil des Etats) Швейцарскомъ. Эти учрежденія, — представители интересовъ штатовъ или кантоновъ, — не имѣютъ въ себѣ, какъ извѣстно, ничего ни противодемократическаго, ни обязательно консервативнаго. Назначеніе союзныхъ палатъ состоитъ не въ томъ, чтобъ тормозить движеніе впередъ палатъ національныхъ или государственныхъ, а въ томъ, чтобъ останавливать рѣшенія и дѣйствія, какъ центральнаго правительства, такъ и государственныхъ палатъ, противныя существеннымъ интересамъ каждой изъ областей. Эти же рѣшенія и дѣйствія сами по себѣ могутъ быть реакціонны, какими, наприм., оказались: установленіе смертной казни, стѣсненіе свободы печати, противосоціалистическій законъ и т. п. постановленія германской Національной Палаты (Reichstag), противныя общественному мнѣнію и даже законамъ разныхъ отдѣльныхъ государствъ Германіи. Принявъ во вниманіе, что въ Германской Имперіи Союзный Совѣтъ (Bundesrats) представляетъ не палаты союзныхъ государствъ, а правительства ихъ, можно сказать, что имперія эта собственно не имѣетъ союзной палаты и такимъ образомъ являетъ собою примѣръ государства съ одной

національной палатой, но, какъ видно и изъ указанныхъ примѣровъ, быстротою прогресса далеко не отличается. Вообще же объ условіяхъ прогресса при болѣе централизованномъ, или союзномъ характерѣ политическаго устройства, слѣдуетъ сказать, что первое дѣйствительно даетъ иногда возможность обнародовать законы и принимать мѣры прогрессивнаго характера раньше, чѣмъ необходимость ихъ сознается дѣйствительнымъ большинствомъ населенія во всѣхъ частяхъ государства. Но зато централизація же даетъ возможность принимать мѣры и реакціоннаго характера, противныя желанію большинства не только въ разныхъ отдѣльныхъ областяхъ, но часто и всей страны. А наконецъ, и въ первомъ случаѣ прогрессивное законодательство становится чисто фиктивнымъ, такъ какъ силою удобнѣе разрушать, чѣмъ созидать, и насильственное приложеніе самыхъ прогрессивныхъ идей, раньше, чѣмъ создалось въ пользу ихъ общественное мнѣніе, производитъ только раздраженіе, которое, благодаря именно централизованному политическому строю, суммируется наконецъ и въ единой палатѣ и приводитъ къ отмѣнѣ прогрессивнаго законодательства, столь же быстрой, какимъ было его установленіе. Устройство союзное не способно къ такимъ качаніямъ политическаго маятника и потому дѣлаетъ прогрессивное движеніе болѣе реальнымъ и безповоротнымъ. Кромѣ того, оно даетъ отдѣльнымъ областямъ союза, находящимся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія, просторъ для принятія у себя прогрессивныхъ мѣръ ранѣе, чѣмъ онѣ могли бы быть проведены чрезъ центральное законодательное учрежденіе, и такимъ образомъ оправдать ихъ опытомъ и тѣмъ создать сильнѣйшее доказательство въ пользу ихъ необходимости. Такъ, въ Швейцаріи всѣ прогрессивныя мѣры въ пользу народнаго образованія были дѣломъ кантоновъ; кантоны же ввели у себя въ разныхъ формахъ и непосредственное народное законодательство (referendum и иниціатива); наконецъ, отдѣльные же кантоны взяли на себя починъ и фабричнаго законодательства гораздо раньше федеральнаго фабричнаго закона

1877 г. Такъ, уже съ 50 годовъ нѣсколько кантоновъ (а Тургау даже съ 1815 г.) ограничили работу дѣтей и женщинъ и ввели фабричную инспекцію; съ 1864 г. кантонъ Гларусъ ввелъ гуманныя ограниченія въ работу взрослыхъ мужчинъ (нормальный день въ 11 часовъ, ограниченіе ночной работы и т. п.). Гларусу послѣдовали и нѣкоторые другіе кантоны и когда, при случаѣ общей ревизіи федеральной конституціи, былъ предложенъ въ 1875 г. общій фабричный законъ, то онъ почти цѣликомъ взятъ былъ изъ испытаннаго уже гларусскаго закона (1864—1872). Если теперь федеральные фабричные инспекторы жалуются на помѣхи, которыя имъ дѣлаютъ мѣстныя власти отсталыхъ кантоновъ, то это вовсе не опровергаетъ всего сказаннаго выше о благопріятномъ вліяніи децентрализаціи на свободу и прочность прогресса. Россію очень трудно вообще сравнивать съ западными государствами, а по вопросу о децентрализаціи тѣмъ больше, что въ Россіи области превосходятъ величиною иныя государства, но и въ Россіи характерно то обстоятельство, что такіе вопросы, какъ объ отмѣнѣ подушной подати, объ обязательномъ выкупѣ, съ пониженіемъ платежей, о крестьянскихъ банкахъ, инспекціи фабрикъ и т. п., были подняты раньше центральнаго правительства въ провинціальныхъ земскихъ собраніяхъ, которыя, конечно, и приступили бы къ ихъ практическому разрѣшенію, если бы имѣли для того свободу въ дѣйствительномъ самоуправленіи.

Къ § 16 статьи III. Положеніе это введено въ видахъ сохраненія государственныхъ имуществъ, какъ общаго всему населенію государства запаса, — сохраненія отъ продажи центральною государственною властью, которая можетъ смотрѣть на эти имущества, только какъ на удобнѣйшее подспорье въ бюджетныхъ затрудненіяхъ (причина, по которой многія западноевропейскія государства быстро лишились подобнаго запаса), а равно и отъ расточительности тѣхъ областей, въ которыхъ въ настоящее время государственныя имущества, особенно земли, находятся въ излишкѣ, сравнительно съ ихъ теперешнею населен-

ностью (причина, по которой области, предоставленныя сами себѣ, быстро могутъ лишиться вышеупомянутаго запаса). Кому же естественнѣе всего ввѣрить охрану и распредѣленіе этого запаса, какъ не Союзной Думѣ, которая соединяетъ въ себѣ уполномоченныхъ отъ каждой области и въ цѣломъ является представительницею всего государства? Никакого преимущества надъ Государственною Думою этотъ пунктъ Союзной Думѣ не даетъ, а просто только передаетъ завѣдываніе государственными имуществами въ руки того учрежденія, которое наилучше сможетъ охранить и употребить ихъ на пользу населенія всѣхъ областей государства.

Къ статьѣ IV. Если во всякомъ дѣлѣ сущность важнѣе формы и во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ фактическое пользованіе извѣстной вещью важнѣе отвлеченнаго права на другую, хотя бы и большаго размѣра, то и въ дѣлѣ политической свободы вопросъ о личныхъ правахъ и мѣстномъ самоуправленіи долженъ быть важнѣе вопроса о государственно-представительномъ правленіи. Нечего и доказывать, что для каждаго лица неприкосновенность его индивидуальныхъ правъ гораздо существеннѣе права его вліять даже прямо, а особенно косвенно на ходъ государныхъ дѣлъ. Затѣмъ изъ числа дѣлъ общественныхъ наибольшее число, и при томъ дѣлъ, наиболѣе близко касающихся интересовъ каждаго лица, принадлежитъ къ дѣламъ мѣстнымъ, а потому изъ всѣхъ видовъ самоуправленія наиболѣе реальный интересъ для наибольшаго числа отдѣльныхъ лицъ можетъ имѣть самоуправленіе мѣстное. Конечно, и это самоуправленіе можетъ быть вполнѣ обезпечено только самоуправленіемъ государственнымъ, при формѣ республиканской или, по крайней мѣрѣ, при монархіи конституціонной. Но еслибъ пришлось выбирать между двумя половинами цѣлаго, — съ одной стороны, между самоуправленіемъ мѣстнымъ, при правахъ личныхъ, съ сохраненіемъ (по силѣ вещей, временнымъ) даже самодержавно-монархической формы правленія государственнаго, и съ другой—между представительнымъ государственнымъ правленіемъ безъ свободы личной

и мѣстнаго самоуправленія, то, конечно, выборъ слѣдовало бы сдѣлать въ пользу перваго. Въ большихъ государствахъ только мѣстное самоуправленіе устраняетъ управленіе бюрократическое, которое собственно и составляетъ самую темную, самую тяжкую для населенія принадлежность новѣйшихъ самодержавныхъ монархій.

Исторія новоевропейскихъ государствъ показываетъ, что населеніе легко примирялось съ единоличнымъ рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ, и даже, при извѣстной степени своего политическаго развитія и при извѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ, находило власть монархическую для себя полезною до тѣхъ поръ, пока монархи не обставляли себя чиновническою іерархіею, а сохраняли и даже расширяли мѣстное самоуправленіе при администраціи или выборной, или, по крайней мѣрѣ, назначаемой короной изъ мѣстныхъ лицъ, а также пока монархи не нарушали системы разныхъ личныхъ и корпоративныхъ правъ и привилегій. Только тогда, когда европейскія монархіи стали принимать форму централизованно-бюрократическихъ государствъ, которую теперь сохранила въ наболѣе неприкосновенномъ видѣ имперія Россійская, европейскіе народы стали возставать противъ монархическаго правленія, — при чемъ оказалось, что только тѣ народы и успѣли установить у себя прочную политическую свободу, въ которыхъ удары возстаній направлены были на главное зло самодержавной монархіи, — на бюрократію, и въ которыхъ успѣло сохраниться или заново устроиться мѣстное самоуправленіе. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ либеральная оппозиція была направлена преимущественно на внѣшнюю форму центральнаго правительства, не только не достигалось дѣйствительное освобожденіе населенія, но даже не упрочивалась сама представительная форма центральнаго правительства.

Разсматривая политическую исторію Швейцаріи, Нидерландовъ, Шотландіи и Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки, — странъ, которыя и до сихъ поръ остались образцами политически свободныхъ государствъ на земномъ шарѣ, — мы видимъ, что въ нихъ

политическія революціи направились прежде всего противъ несвязанной съ мѣстнымъ населеніемъ бюрократіи, которой развитіе эти революціи успѣли пріостановить въ самомъ началѣ, равно какъ и сохранить самоуправленіе корпоративное, общинное и земское.[1] Въ рамкахъ этого самоуправленія успѣли въ этихъ странахъ развиться права человѣка и гражданина, которыя наконецъ и были систематизированы въ конституціяхъ разныхъ штатовъ сѣверо-американской союзной республики (начиная съ Виргиніи, 1 іюня 1776 г.), изъ которыхъ идея этихъ правъ перенесена была въ законодательство Франціи и другихъ странъ Европы.

Къ несчастію во Франціи, какъ и въ большей части государствъ материка Европы, государственная централизація съ ея неизбѣжной принадлежностію, — бюрократіей, успѣла развиться настолько, что привычки ея привились и къ самому либеральному движенію, которое поэтому приняло сразу ошибочное направленіе. Французскіе либералы временъ великой революціи сосредоточили все свое вниманіе на вопросѣ о формѣ центральнаго правительства, мѣстное же самоуправленіе не только не устроили, но даже уничтожили и тѣ здоровые остатки его, которые еще пощадила бюрократія „стараго порядка“ въ управленіи провинцій, городовъ и сельскихъ общинъ.

По примѣру американскихъ республикъ права человѣка и гражданина были провозглашены во Франціи съ большою торжественностью въ 1789, 1791 и въ 1793 годахъ, какъ „права прирожденныя, независимыя отъ писаннаго закона, неотчуждаемыя и священныя“ (droits naturels et imprescriptibles, inaliénables et sacrés); затѣмъ республиканской конституціей

[1] Ссылаемся на оппозицію швейцарскихъ кантоновъ австрійскимъ фогтамъ (а не императорской власти, которую кантоны долго признавали, и на привилегіи, полученныя отъ которой, долго опирались), на борьбу нидерландскихъ общинъ и сословій за свои права противъ испанскихъ намѣстниковъ, на неудовольствіе шотландцевъ противъ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ и при томъ изъ иностранцевъ (французовъ) въ регентство Маріи Лотарингской (1554—1560), на Petition of Rights англійскаго парламента 1628, протестующую противъ произвольныхъ дѣйствій королевскихъ чиновниковъ, командировъ и тайнаго совѣта, наконецъ на декларацію независимости Соединенныхъ Штатовъ С. Америки 1776 г., которая, между прочимъ, жалуется на то, что англійское правительство „надѣлало и наслало въ страну рой новыхъ чиновниковъ, которые безпокоятъ нашъ народъ и пожираютъ его достатокъ“.

1793 г. обѣщаны были либеральнѣйшія учрежденія, въ родѣ избирательной администраціи и даже суда и прямого участія народа въ законодательствѣ. Но политики французскаго Народнаго Собора (Convention National) поставили себѣ главною цѣлью во что бы то ни стало придать республиканскую форму свему государству и при томъ установить республику „единую и нераздѣльную". А такъ какъ при этомъ они смѣшивали идею о свободѣ съ идеей о „верховности общей или народной воли", или „народномъ самодержавіи" (каковое смѣшеніе особенно опасно въ большомъ централизованномъ и разнонаціанальномъ государствѣ), то надежды, что революція осуществитъ во Франціи идеалъ политической свободы, оказались тщетными. Народный Соборъ самъ счелъ себя представителемъ народнаго самодержавія и, сосредоточивъ въ себѣ всѣ власти (законодательную, исполнительную и судебную), сталъ передавать это самодержавіе разнымъ своимъ комитетамъ, причемъ всего менѣе уважалъ признанныя и имъ самимъ права человѣка и гражданина, которыя, по существу своему и по буквѣ самихъ декларацій 1789 и 1793 гг., должны были быть неприкосновенны даже и для „общей воли", — пріостановилъ и, наконецъ, отмѣнилъ и всю составленную имъ самимъ и утвержденную прямымъ народнымъ голосованіемъ конституцію.[1] Республиканцы-централисты якобинскаго клуба обольщали себя и другихъ надеждою, что такая политика будетъ только „моментальной организаціей деспотизма свободы для разрушенія деспотизма царей" (слова Marat'a и Робеспьера). Но на самомъ дѣлѣ за диктатурою Народнаго Собранія послѣдовалъ — и вполнѣ естественно — рядъ разнообразныхъ, сопровождавшихся убійствами и административными ссылками, переворотовъ (coup d'état), которые совершались тоже во имя „общаго или народнаго спасенія" (salut public, salut du peuple), пока послѣдній изъ нихъ не установилъ, — опять во имя „верховной

[1] Впрочемъ еще раньше этого освященія конституціи самодержавнымъ народомъ и даже прежде составленія ея Народный Соборъ предрѣшилъ два изъ самыхъ существенныхъ ея положеній, провозгласивъ „республику единую и нераздѣльную" и назначивъ смертную казнь и за монархизмъ, и за федерализмъ.

власти народа“ (volonté suveraine du peuple) — единоличную диктатуру Наполеона I, которая также естественно обратилась въ наслѣдственную монархію. „Народная же воля“, упреждаемая совершавшимися фактами и лишенная, чрезъ отсутствіе мѣстнаго самоуправленія, не только должныхъ преградъ для ея деспотизма, но и естественныхъ кадровъ для своего просвѣщенія въ общественныхъ дѣлахъ и для своего правильнаго выраженія, попускала всѣ эти перевороты и даже освящала ихъ своимъ голосованіемъ, всякій разъ, когда фактическіе „представители“ ея обращались къ ней за ея голосомъ; такъ, она одобрила конституцію 1795 г., какъ прежде конституцію 1793 г. и потомъ въ 1799 г. десятилѣтнее, а въ 1802 году пожизненное консульство Наполеона, а въ 1804 году наслѣдственную имперію. Дальнѣйшимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всего этого ошибочнаго направленія великой революціи во Франціи была шаткость всѣхъ ея политическихъ учрежденій въ теченіе всего XIX ст. и то, что во Франціи и до сихъ поръ, не говоря уже о мѣстномъ самоуправленіи, нѣтъ той свободы личности, какая существуетъ не только въ федеральныхъ республикахъ Швейцаріи или С.-Америки, но и въ монархической Англіи.[1]

---

[1] Чтобы понять всю разницу между политическими идеями федеральной республики С. Американской и „единой и нераздѣльной“ республики Французской, по отношенію къ правамъ личности, — существеннѣйшимъ изъ политическихъ правъ, — достаточно будетъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: Въ то время, какъ французскій Народный Соборъ во имя „народнаго самодержавія“ сначала присвоилъ себѣ судебную власть надъ королемъ, а потомъ устанавливалъ революціонные суды (исключительные и связанные съ самимъ Народнымъ Соборомъ), возводилъ на степень политическаго абсолюта не только „народную волю“, но и „народную месть“, и издавалъ инквизиціонные законы „о подозрительныхъ“, конституціи с. американскихъ штатовъ сразу позаботились объ огражденіи правъ человѣка и гражданина даже и отъ деспотизма „народнаго самодержавія“, которое обыкновенно представляется собраніемъ законодательнымъ (если не столичною улицею). Такъ § 25 и 30 конституціи Массачузеттса постановлено: „Никто, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ измѣнѣ и государственномъ преступленіи законодательною властью. Въ правленіи этой республики департаментъ законодательный никогда не можетъ пользоваться властью исполнительною или судебною“ и, наоборотъ, департаменты судебный и исполнительный никогда не выйдутъ изъ круга ихъ дѣлъ, „для того, чтобъ въ республикѣ этой существовало правленіе законовъ, а не правленіе людей“. (Подобное въ конституціи Виргиніи, С. Каролины и др.) Интересно, что многіе французскіе политики времени революціи, ознакомившись съ конституціями отдѣльныхъ штатовъ и конфедераціи С. Америки, находили такія вещи, какъ двѣ палаты, раздѣленіе властей и самый федерализмъ, недостаточно демократическими и республиканскими! Были и во Франціи, особенно въ началѣ революціи, республиканцы, которые понимали свободу въ смыслѣ, близкомъ къ американскому. Такъ, не говоря уже о Кондорсе, присоединившемся потомъ къ жирондистамъ, который считалъ необходимымъ провозглашеніе правъ человѣка для того, чтобъ обезопасить

Въ большей части материка Европы либеральное движеніе въ теченіе XIX-го вѣка пошло по типу французскаго, чѣмъ и объясняется непрочность въ этихъ государствахъ даже самой представительной формы центральнаго правительства, которая во всѣхъ почти государствахъ этихъ отмѣнялась по нѣскольку разъ. Мало того, вообще неудовлетворительный съ точки зрѣнія всеобщей свободы централистическій парламентаризмъ въ государствахъ съ разнонаціональнымъ составомъ явился новымъ орудіемъ насилія надъ естественными правами и интересами населеній, какъ это можно видѣть въ Австро-Венгріи, въ которой парламентарное правленіе стало средствомъ для господства нѣмцевъ и венгровъ надъ славянами и румынами, и поляковъ надъ украинцами. Немудрено, что парламентское правленіе здѣсь было поводомъ къ гражданской войнѣ (возстаніе славянъ и румынъ въ Венгріи 1848—1849 гг.), было отмѣнено два раза съ 1848 г. и до сихъ поръ не упрочено. Необходимое развитіе государственной справедливости, черезъ уравненіе правъ національныхъ, производится здѣсь больше прямымъ дѣйствіемъ короны и исполнительной власти, чѣмъ парламентскимъ законодательствомъ — предзнаменованіе крайне опасное для будущаго представительныхъ учрежденій въ странѣ. Притомъ же основатели централистическаго парламентаризма въ Австро-Венгріи, а особенно въ Цислейтаніи, — въ видахъ обезоруженія національно-федеральной оппозиціи, — должны были оставить исполнительной власти слишкомъ много простора для подавленія личной и общественной свободы (печати, сходокъ, обществъ), каковымъ просторомъ разныя партіонныя министерства пользуются здѣсь въ широкой степени противъ оппозицій національно-политическихъ, а также противъ движенія соціальнаго.

гражданина отъ тиранія „власти правительственной, судебной, военной, духовной и самой законодательной", самъ Камиллъ Демуленъ, потомъ дантонистъ, писалъ, что „выше общей воли стоятъ права природныя" (Condorcet. Idées sur le despotisme, à l'usage de ceux qui prononcent ce mot sans l'entendre, — Déclaration des droits, — Lettres d'un gentilhomme à MM. du tiers état. 1789, C Desmoulins, La France Libre. 1789. Oeuvres, éd. 1874, I, 84—87). Но и эти люди мало понимали необходимость учрежденій, которыя могли бы обезпечить эти прирожденныя права, а кромѣ того слишкомъ поздно выступили противъ якобинскаго абсолютизма.

Было бы крайне печально, если бы всѣ эти уроки исторіи политической свободы въ разныхъ странахъ пропали даромъ для Россіи, которая тѣмъ болѣе должна бы не пропустить ихъ безъ вниманія, что многія условія ея жизни, начиная съ исторіи и преданій централизованнаго и національно-нетерпимаго Московскаго Государства, заставляютъ опасаться, что развитіе ея политическихъ учрежденій можетъ пойти скорѣе по типу французскому, нежели англо-американскому. Правда, уже одна величина Россіи и крайняя нелѣпость ея теперешняго бюрократическаго правленія возбуждаютъ въ умахъ ея обитателей мысль о необходимости извѣстнаго простора для мѣстнаго самоуправленія. Но для того, чтобъ это стремленіе было упрочено и нашло себѣ сознательное выраженіе и настойчивое приложеніе на практикѣ, необходимо, чтобы масса общества была систематически воспитываема передовыми политическими дѣятелями въ идеяхъ, благопріятныхъ мѣстному самоуправленію, каковой систематичности, къ сожалѣнію, незамѣтно теперь въ русской политической литературѣ, внутренней и заграничной.

При первомъ сильномъ пробужденіи общественной мысли въ Россіи въ эпоху освобожденія крестьянъ вопросъ о политическомъ преобразованіи Россіи былъ поставленъ на раціональную дорогу. Дворянскія собранія 1860—1862 годовъ, единственныя въ то время организованныя группы представителей образованнаго общества, потребовали, прежде всего, мѣстнаго „самоуправленія“ (адресы и пренія въ губ. Владимірской, Харьковской, Орловской, Тверской, Воронежской, Петербургской, Московской и др.; при чемъ Петербургское, Московское и Воронежское собранія прямо употребляли и слово „самоуправленіе“; см. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ, т. 2; „Вольное Слово“ 1883, №№ 56—57 „Толцыте и отверзется“ и Владимірскій адресъ; „Русскія Вѣдомости“, 1884, № 1, Двадцатилѣтіе земства). Въ то же время въ исторической и политической литературѣ русской съ любовью развивались идеи самоуправленія (въ историческихъ трудахъ П. В. Павлова, Костомарова, Щапова

и др., въ переводныхъ сочиненіяхъ Токвиля, Лабуле, Милля[1] въ популяризаціи трудовъ Гнейста, въ статьяхъ Герцена, Огарева, Бакунина и др.). Земскія учрежденія 1864 г. весьма мало отвѣчали требованіямъ общества, но встрѣчены были съ симпатіей именно какъ начало ожидаемаго самоуправленія, и, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы стать прочнымъ для него исходнымъ пунктомъ. Но городскія учрежденія 1870 г. дали еще меньше простора дѣйствительному самоуправленію и при томъ еще болѣе, чѣмъ земскія, оперлись на цензовое начало, да еще въ самомъ неблагопріятномъ для общественнаго прогресса видѣ его, предоставивъ веденіе городскихъ дѣлъ классу городскихъ капиталистовъ, наименѣе развитому въ общественномъ отношеніи изъ всѣхъ состоятельныхъ классовъ въ Россіи. Вообще же примѣненіе цензового начала, какъ въ земскихъ, такъ и въ городскихъ учрежденіяхъ, оказалось всего болѣе неблагопріятно классу образованныхъ мелкихъ собственниковъ, который по глубокимъ историческимъ причинамъ въ Россіи является наиболѣе развитымъ въ общественномъ отношеніи и наиболѣе способнымъ стать выразителемъ общихъ интересовъ всѣхъ классовъ населенія. Этотъ-то классъ, изъ котораго выходитъ въ Россіи наиболѣе людей свободныхъ профессій, оказался всѣхъ болѣе устраненнымъ отъ органовъ земскаго и городского самоуправленія, въ то время какъ сословное крестьянское устройство сельской общины и волости устраняло всѣ образованные классы, въ томъ числѣ и классъ „благородныхъ разночинцевъ", и отъ участія въ сельскихъ учрежденіяхъ. Оторванный такимъ образомъ отъ мѣстныхъ дѣлъ классъ образованныхъ разночинцевъ сталъ терять и сознаніе важности мѣстнаго самоуправленія въ политической жизни государства, и потому, съ новымъ пробужденіемъ соціальнаго и политическаго движенія въ странѣ въ 70-ые годы, люди этого класса стали обращаться къ мыслямъ государственнаго централизма. Въ нѣкоторыхъ „революціонныхъ" кругахъ появились даже

[1] Демократія въ Америкѣ, Старый порядокъ и революція, Государство и его предѣлы, О свободѣ и т. п.

опасные для будущаго свободныхъ идей и учрежденій въ Россіи признаки подражанія политической терминологіи и стремленіямъ французскаго якобинства и при томъ иногда даже съ оттѣнкомъ наполеоновской его эпохи.[1]

Правда, что въ кругахъ „земцевъ“ мысль о мѣстномъ самоуправленіи не только не замерла, но, какъ это можно видѣть и по мнѣніямъ земскихъ собраній о реформѣ административной, разрабатывалась въ послѣдніе годы. Но дальнѣйшее политическое развитіе Россіи естественно будетъ дѣломъ совокупнаго дѣйствія разныхъ слоевъ населенія, а не однихъ только захваченныхъ нынѣшними земскими учрежденіями, особенно если эти послѣднія будутъ дѣйствовать въ вопросѣ политическаго преобразованія Россіи съ столь малою энергіей, какую они показали до сихъ поръ. А потому чрезвычайно важно, чтобы, при распространеніи среди „земцевъ“ идеи о необходимости общегосударственнаго представительства для самаго упроченія и развитія мѣстнаго самоуправленія, въ классахъ разночинскихъ распространилось сознаніе недостаточности центральнаго парламентаризма для реализаціи политической свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, конечно, чтобы всѣ эти круги приступили, какъ можно скорѣе, къ дружному напору на теперешнее правительство Россіи, заставивъ его уступить мѣсто правительству представительному.

Послѣдніе годы, кажется, наглядно показали, что само по себѣ теперешнее правительство Россіи не способно помириться ни съ какимъ видомъ независимаго представительства, даже самаго скромнаго. Не говоря уже о первыхъ временахъ дѣйствія земскихъ учрежденій, когда правительство съ какимъ-то безумнымъ озлобленіемъ всячески препятствовало ихъ дѣятельности, но даже въ эпоху нѣкотораго покаянія его, — во время „вѣяній“ гр. Лорисъ-Меликова, — правительство упустило время уступокъ мѣстному самоуправленію, которыя могли бы нѣсколько отда-

[1] Подробнѣе объ этомъ мы говорили въ статьяхъ: „Историческая Польша и Великорусская демократія“, „Народная Воля о централизаціи революціонной борьбы“, „Къ біографіи А. И. Желябова“ и „Календарь Народной Воли“ (Вольное Слово, № 61—62).

лить настоятельную необходимость центральнаго представительства, и при томъ даже не безъ пользы для развитія реальной политической свободы въ Россіи. Надо сознаться, что дѣйствительно созданіе удовлетворительнаго общегосударственнаго представительства въ Россіи теперь дѣло не легкое. Оно затрудняется отсутствіемъ земскихъ учрежденій въ цѣлой западной половинѣ Европейской ея части, не говоря уже о Кавказѣ и Сибири. Къ тому же практика земскихъ учрежденій и въ губерніяхъ „реформенныхъ", подъ гнетомъ бюрократіи и урѣзокъ правительственныхъ даже въ Положеніи 1864 г., при явной неудовлетворительности самаго этого Положенія, особенно относительно ценза, слишкомъ высокаго для личныхъ собственниковъ, не дали земскимъ учрежденіямъ возможности стать правильною школою представительнаго правленія и привлечь къ себѣ дѣйствительно лучшія силы населеній. Вотъ почему при нормальномъ ходѣ вещей было бы всего цѣлесообразнѣе, еслибъ, при устраненіи искаженій земскаго Положенія, введенныхъ съ 1865 г., сначала было исправлено само это Положеніе, согласно указаніямъ опыта, заключающимся въ ходатайствахъ многихъ земскихъ собраній, что̀ улучшило бы составъ земскихъ собраній, еслибы полученнымъ такимъ образомъ болѣе дѣйствительнымъ земскимъ представителямъ уѣздовъ и губерній былъ предоставленъ просторъ съѣздовъ и группировки областной, еслибы эти исправленныя и расширенныя земскія учрежденія были введены во всей Россіи, и затѣмъ уже было приступлено къ созыву общегосударственнаго представительства. Такого рода политика (конечно, при амнистіи и огражденіи личныхъ правъ отъ всякаго рода жандармовъ, административныхъ ссылокъ и исключительныхъ судовъ) диктовалась самими обстоятельствами династіи и правительству въ эпоху „вѣяній", послѣ того, какъ періодъ нерѣшительныхъ реформъ и реакцій 60-хъ гг. принесъ свои горькіе плоды въ внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Россіи въ концѣ 70-хъ гг. Но обстоятельства показали, что ни у династіи Романовыхъ, ни въ окружающихъ ее правящихъ кружкахъ

нѣтъ не только просвѣщеннаго патріотизма и политической мудрости, но даже умнаго инстинкта самосохраненія для усвоенія подобнаго рода политики. А потому въ настоящее время людямъ, сознавшимъ необходимость политическаго преобразованія Россіи, необходимо, прежде всего, добиться созванія общегосударственнаго земскаго собора, который бы устранилъ отъ правленія теперешніе правящіе кружки и вразумилъ, если не устранилъ, теперешнюю династію. Но необходимо при этомъ, чтобъ политическія общества, которыя будутъ вести агитацію въ пользу подобнаго переворота, настолько уяснили разнымъ слоямъ населенія важность мѣстнаго самоуправленія, чтобъ земскій соборъ не сдѣлался новымъ орудіемъ централизаціи и источникомъ новой бюрократіи и насилія надъ личностями и мѣстностями и чтобъ установленіе представительнаго правленія въ Россіи было сразу же оперто на широкую основу правъ человѣка и гражданина и мѣстнаго самоуправленія. Послѣднее необходимо въ Россіи тѣмъ болѣе, что, при разбросанности ея населенія и слабости его образованія, въ этой странѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, угрожаетъ опасность подтасовокъ центральнаго представительства, а также всякаго рода направленныхъ на него coup d'état, отъ чего это представительство можетъ быть охранено только тогда, когда оно будетъ связано съ народными массами не формально, моментальными, болѣе или менѣе механическими, выборами, а реально, постояннымъ дѣйствіемъ посредствующихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, и когда это послѣднее живо заинтересуетъ населеніе въ дѣлѣ коллективнаго правленія.[1] Во всѣхъ этихъ видахъ необходимъ, кромѣ постоянной пропаганды началъ самоуправленія, приступъ при первой возможности къ созданію областныхъ представительныхъ собраній. Само собою разумѣется, что подобныя собранія должны стать дѣломъ первой не-

[1] Интересно, что уже и теперь въ русскихъ придворныхъ, аристо-бюрократическихъ кругахъ есть элементы, которые, видя слишкомъ уже большую нелѣпость теперешняго положенія самодержавія въ Россіи, подаютъ голосъ за парламентаризмъ, но только централистическій, такъ какъ онъ всего менѣе измѣняетъ сущность теперешняго управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ надобности, легче всего можетъ быть ниспровергнутъ.

обходимости для политическихъ дѣятелей на Украйнѣ, если въ другихъ областяхъ противоправительственное движеніе пойдетъ вяло или же если тамъ обнаружатся централистическія стремленія.

Къ статьѣ V. Политическая свобода сама по себѣ не можетъ быть цѣлью, а есть только условіе для обезпеченія жизни и развитія населенія посредствомъ ряда мѣръ соціально-экономическаго и культурнаго характера, которыя могутъ быть безпрепятственно приняты самоуправляющимся населеніемъ на свою пользу. Вотъ почему всякое сообщество, задавшееся цѣлью политическаго освобожденія извѣстной страны, должно имѣть, кромѣ извѣстнаго плана устройства самоуправленія, готовую програму мѣръ соціально-экономическаго и культурнаго характера, которыми оно могло бы привлечь къ себѣ возможно большее число сообщниковъ и которыя, будучи осуществляемы, по достиженіи политической свободы, могли бы служить ей наиболѣе крѣпкой поддержкой.

Соціально-экономическая программа сообщества, имѣющаго первою цѣлью политическое освобожденіе населеній Россіи, должна по силѣ вещей представлять собою среднее изъ стремленій всѣхъ элементовъ этихъ населеній, наиболѣе живо чувствующихъ недовольство теперешнимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Главныхъ элементовъ такихъ три: 1. масса народа, 2. образованные разночинцы, люди такъ называемыхъ свободныхъ профессій, и 3. образованные собственники. Въ массѣ народа, несомнѣнно, существуетъ недовольство безтолочью и гнетомъ чиновническаго управленія, каковое недовольство даетъ возможность распространенія среди нея, по крайней мѣрѣ, среди болѣе развитыхъ ея членовъ, проповѣди идей политической свободы. Но рѣзче всего масса народа недовольна все болѣе возрастающимъ обѣдненіемъ своимъ, которому мечтаетъ увидѣть конецъ въ новомъ, болѣе или менѣе ровномъ, передѣлѣ земли. Образованные разночинцы, конечно, болѣе всего заинтересованы въ политической свободѣ, которая для нихъ представляетъ необходимое условіе существованія не только нравственнаго, но и мате-

ріальнаго, а для многихъ изъ нихъ, наиболѣе горячо относящихся къ идеямъ всеобщаго благосостоянія, является необходимымъ условіемъ для распространенія этихъ идей. Эти разночинцы распредѣляются на двѣ группы, незамѣтными оттѣнками переходящія одна въ другую: либераловъ и соціалистовъ. Послѣдніе еще не очень давно относились равнодушно къ политической свободѣ, и обращая вниманіе исключительно на экономическую сторону жизни, проповѣдывали немедленную конфискацію силъ природы и орудій труда въ пользу чернорабочихъ классовъ, долженствовавшихъ быть устроенными въ коммунистическія ассоціаціи, и ждали осуществленія этого идеала отъ скораго простонароднаго востанія. Либералы или не находили подобную конфискацію справедливою, или не считали ее возможною въ настоящее время и указывали на политическую свободу, какъ на первую потребность для Россіи, при чемъ значительная часть ихъ предлагала извѣстный рядъ мѣръ къ улучшенію и матеріальнаго положенія чернорабочихъ массъ. Образованные собственники, которые отчасти представляются нынѣшними земскими учрежденіями, тоже выработали по дѣламъ соціально-экономическимъ и культурнымъ цѣлый рядъ проектовъ въ пользу чернорабочихъ классовъ. Проекты эти въ сущности согласны съ планами болѣе демократической части либераловъ-разночинцевъ, но, конечно, далеки отъ идеи полной конфискаціи частной собственности.

Въ послѣдніе годы россійскіе соціалисты, разочаровавшись въ надеждахъ на близкое осуществленіе ихъ идеаловъ посредствомъ простонароднаго возстанія, обратились значительной своей частію къ политической программѣ либераловъ, вслѣдствіе чего въ послѣдніе годы появилось въ свѣтъ отъ имени русскихъ соціалистовъ нѣсколько программъ и заявленій (въ литературѣ, въ судебно-политическихъ процессахъ и т. п.), долженствовавшихъ быть компромиссами между стремленіями соціалистовъ и либераловъ. Но такъ какъ составители этихъ компромиссовъ не отказывались вполнѣ и отъ прежнихъ соціально-рево-

люціонныхъ надеждъ, то компромиссы эти представляютъ довольно неорганическую склейку требованій либеральныхъ, преимущественно центрально-парламентарныхъ, съ стремленіями соціально-революціонными. Рядомъ съ тѣмъ другая часть россійскихъ соціалистовъ выработала себѣ другія, столь же механическія склейки изъ стремленій, заявляемыхъ въ западно-европейской соціалистической литературѣ, и изъ домашнихъ, по большей части мистическихъ, представленій о стремленіяхъ „русскаго народа" (народничество революціонное), а еще одна часть (народничество государственное) подобнымъ же образомъ соединяетъ соціалистическія стремленія съ надеждами на диктатуру, то революціонную, то (даже послѣ всѣхъ горькихъ опытовъ!) легитимно-правительственную.[1]

---

[1] Всѣ эти характеристики могли бы быть подтверждены указаніями на русскую литературу, „нелегальную", какъ и „легальную", на рѣчи, произнесенныя въ разныхъ политическихъ процессахъ послѣднихъ лѣтъ, но указанія эти частью не совсѣмъ удобны, частью же излишни для понимающихъ дѣло. Нашу критику большей части затронутыхъ выше недоразумѣній и иллюзій, разоблачаемыхъ теоріей и практикой жизни образованныхъ странъ, любопытный читатель можетъ найти въ разныхъ нашихъ изданіяхъ, особенно въ „Листок Громади" (1878), „Громада", т. IV, стр. 202 и слѣд., въ „Вольномъ Словѣ" (особенно въ статьяхъ „Историч. Польша и Великорусская демократія" и въ нѣсколькихъ статьяхъ № 61—62). Въ послѣднее время болѣе наглядное знакомство съ политическою жизнью западной Европы вызвало и со стороны лицъ, причисляющихъ себя къ „русской соціально-революціонной партіи", мысли, отличныя отъ тѣхъ, какія высказываются во внутреннихъ соціально-революціонныхъ изданіяхъ, и въ то же время близкія къ тѣмъ, какія мы излагали въ упомянутыхъ нашихъ изданіяхъ и какія суммируемъ здѣсь. Таковы, напримѣръ, мысли, высказанныя г. Ц. въ его статьѣ „Самодержавіе и ближайшія задачи его противниковъ" въ № 60 „Вольнаго Слова" и многія соображенія недавно вышедшей брошюры г. Плеханова „Соціализмъ и Политическая борьба", изданной отъ имени группы „Освобожденіе Труда", отказавшейся отъ прежняго имени „Черный Передѣлъ". Впрочемъ, указывая на эту брошюру, мы имѣемъ въ виду больше ея критическія замѣчанія объ ошибкахъ и иллюзіяхъ разныхъ русскихъ соціально-революціонныхъ группъ (которыя замѣчанія по нѣскольку разъ были высказаны нами въ разныхъ публикаціяхъ съ 1876 г.), чѣмъ ея положительныя мысли. Послѣднія или не развиты сколько-нибудь опредѣленно (напримѣръ, по вопросу политическаго устройства Россіи) или же (по вопросу соціальному) представляютъ рефлективный переходъ отъ великорусскаго самобытничества бунтарско-народническаго характера къ подражанію одной изъ западно-европейскихъ партій. Непогрѣшимою моделью для русскаго автора являются нѣмецкіе соціально-демократическіе вожди, при чемъ онъ даже усиливаетъ ихъ доктринерскія иллюзіи о будущей „классовой диктатурѣ" рабочаго, фабрично-городского пролетаріата. Русскимъ соціалистамъ онъ ставитъ цѣлью тоже образованіе соціалистической партіи изъ городскихъ рабочихъ. Между тѣмъ, если и нѣмецкая соціальная демократія слаба, между прочимъ, неспособностью привлечь на свою сторону крестьянство, то русское подражаніе ей, въ странѣ преимущественно крестьянской, еще менѣе можетъ быть признано раціональнымъ. Въ Россіи ужъ, конечно, нечего и думать о какой бы то ни было „диктатурѣ" класса фабрично-заводскихъ рабочихъ, если бы даже процентное отношеніе промышленнаго и земледѣльческаго населенія и дѣлало подобную диктатуру возможною въ другихъ странахъ материка Европы. (Въ Англіи промышленностью обрабатывающею и горной, а также торговлей занимается 61% производительнаго населенія, во Франціи 29,4%, въ Пруссіи 32,4%. — а земледѣліемъ въ Англіи 17%, во Франціи 37%, въ Пруссіи 48%. См. Янсона, Сравн. Стат. I, 106. Въ Россіи статистика занятій весьма не полна, но по извѣстнымъ цифрамъ, сведеннымъ, напримѣръ, въ календаряхъ Суворина 1883—1884 гг.

Результатомъ такихъ раздѣленій въ стремленіяхъ образованныхъ сторонниковъ прогресса и соціальной справедливости въ Россіи является прежде всего отсутствіе должнаго единства въ борьбѣ съ политическимъ порядкомъ, отъ котораго нельзя уже ожидать ничего добраго для населенія. Затѣмъ неорганическое склеиваніе въ однѣхъ и тѣхъ же программахъ требованій политически-либеральныхъ и соціально-революціонныхъ отнимаетъ всякую возможность искренняго, а потому и дружнаго союза даже между такими элементами образованнаго общества, которые одинаково признаютъ насущнымъ дѣломъ въ Россіи установленіе политической свободы. Наконецъ, существованіе среди образованныхъ людей въ Россіи народниковъ государственныхъ угрожаетъ, при малѣйшей ловкости правительства, большими еще раздѣленіями въ интеллигенціи и эскамотированіемъ вопросовъ и политическихъ, и соціальныхъ, такъ какъ правительство диктаторіальное вообще, а русское царское въ особенности, съ его поверхностною и продажною бюрократіей, не въ состояніи сколько-нибудь искренно и умѣло провести какія бы то ни было реформы въ пользу даже однихъ чернорабочихъ классовъ.

Прошлое многихъ областей Россіи, а особенно долгая оторванность нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ болѣе культурныхъ и свободныхъ странъ міра, крайнее развитіе царско-чиновническаго начала, притупившее въ населеніи чувство личнаго достоинства (эту естественную основу стремленія къ политической свободѣ) и породившее у многихъ мизантропическое недовѣріе

число фабрично-заводскихъ рабочихъ съ горными врядъ ли можетъ быть много выше 1% всего населенія). Въ Россіи программа, предлагаемая г. Плехановымъ соціалистамъ, обрекла бы ихъ почти на полное безучастіе во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ страны. Самое интересное мѣсто въ соціальной части брошюры г. Плеханова — это приглашеніе, обращенное къ русскимъ соціалистамъ, „не пугать никого далекимъ пока краснымъ призракомъ“ (соціальной революціи) — но жаль, что и оно оставлено авторомъ безъ должнаго развитія. Еще болѣе жаль, что въ предисловіи къ только что вышедшей второй брошюрѣ группы „Освобожденіе Труда“ (Развитіе научнаго соціализма, Фр. Энгельса. Съ предисловіемъ переводчицы В. З.) основная идея первой доведена почти до карикатуры: здѣсь говорится даже о „соціалистическомъ государствѣ“, которое долженъ основать русскій фабричный пролетаріатъ, и обсуждаются условія, при которыхъ „мѣры, предпринимаемыя этимъ государствомъ, могутъ встрѣтить сочувствіе и поддержку въ массѣ крестьянскаго населенія!!“ Подобными наивностями новая группа, которая могла бы имѣть извѣстное значеніе, подрываетъ себѣ всякое будущее.

къ человѣческой самодѣятельности, накопили въ Россіи не мало людей послѣдняго сорта, изъ которыхъ абсолютизмъ можетъ еще долго набирать себѣ прямыхъ и косвенныхъ помощниковъ, которые могутъ даже вполнѣ искренно обольщать себя претензіями на практичность своего политическаго поведенія и на соотвѣтствіе его „самобытнымъ“ условіямъ русской жизни. Но какъ бы ни многочисленна была эта категорія людей между образованными людьми въ Россіи и какъ бы ни благонамѣренны были отношенія многихъ изъ нихъ къ „народу“, очевидно, они должны быть скинуты со счета при разсужденіяхъ относительно соединенія силъ, необходимыхъ для всесторонняго измѣненія теперешняго положенія Россіи. Соединеніе это возможно между тѣми общественными группами, которыя какимъ бы то ни было путемъ но пришли безповоротно къ сознанію необходимости установленія въ Россіи политической свободы.

Но разсматривая даже эти группы въ настоящее время, неизбѣжно находишь, что соглашеніе, напр., между либералами не только изъ собственниковъ, но и изъ людей свободныхъ профессій, и между соціалистами въ Россіи невозможно до тѣхъ поръ, пока послѣдніе будутъ настаивать на болѣе или менѣе непосредственномъ примѣненіи коммунистическаго идеала и при этомъ, выставляя на видъ свое имя соціальныхъ революціонеровъ, будутъ обнаруживать желаніе примѣнить этотъ идеалъ непремѣнно путемъ гражданской войны.

По существу дѣла, теоріи государственнаго либерализма соотвѣтствуетъ въ сферѣ политики по соціальнымъ и культурнымъ вопросамъ теорія прогрессивныхъ реформъ, а не революціи, какъ насильственнаго переворота.[1] Соціально-революціонная теорія по существу своему гораздо ближе къ теоріи абсолютизма, какъ и всякой другой диктатуры, чѣмъ къ либерализму. Въ то же время и съ практической, или, такъ сказать, тактической стороны

---

[1] Либеральныя теоріи признаютъ политическія революціи, какъ средство устраненія государственнаго насилія, препятствующаго реформамъ, которыя могло бы производить самоуправляющееся населеніе.

дѣла, никакой искренній союзъ между общественными группами невозможенъ при слишкомъ большой, а особенно коренной разницѣ ихъ стремленій, которая дѣлаетъ неизбѣжною взаимную борьбу этихъ группъ не только тотчасъ по достиженіи цѣлей союза, но собственно и во время ихъ достиженія. При подобныхъ отношеніяхъ непремѣнно, по крайней мѣрѣ, одна изъ союзныхъ сторонъ должна бы быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другой, чего въ настоящее время трудно ожидать отъ сколько нибудь сознательной политической группы. На этихъ основаніяхъ со стороны тѣхъ группъ въ Россіи, которыя удерживаютъ за собою имя соціальныхъ революціонеровъ, совершенно непослѣдовательно обращаться къ „обществу", „интеллигенціи", „земцамъ", „либераламъ" съ рѣчью объ „общихъ интересахъ", съ предложеніемъ „союза" и т. п., вмѣсто того, чтобъ обращаться только къ „народу" — пролетаріату и крестьянамъ (собственно бѣднѣйшимъ изъ нихъ), призывая ихъ къ возстанію противъ всякаго рода собственниковъ и затѣмъ уже противъ правительства, по стольку, по скольку оно стоитъ за этихъ собственниковъ. И въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ почти подобныхъ, непослѣдовательность эта въ то же время и безполезна, и даже вредна, такъ какъ при искренности вѣры въ близость соціальной революціи въ Россіи, она только раздваиваетъ мысли и усилія самихъ сторонниковъ этой революціи; при отсутствіи же этой вѣры рѣчь объ этой революціи можетъ имѣть цѣлью только привлеченіе на сторону партіи, въ сущности не соціально-революціонной, сторонниковъ соціальнаго переворота, — пріемъ мало того что сомнительной нравственности, но и сомнительной полезности, такъ какъ имъ можно увлечь только очень наивныхъ людей, или очень молодыхъ, которые, при первомъ пробужденіи способности къ самостоятельному мышленію, не преминутъ замѣтить, какой игры они оказались орудіемъ. Во всякомъ случаѣ, если только разъ извѣстная часть соціалистовъ въ Россіи сознала необходимость союза съ „обществомъ", разъ признала существованіе общихъ интересовъ у всѣхъ классовъ

населенія, у всѣхъ прогрессивныхъ партій и т. п. хоть на данный моментъ, „на сегодня“, то столь же непослѣдовательно и для дѣла прогресса вредно отрицать по крайней мѣрѣ извѣстную долю этой общности интересовъ и на слѣдующій моментъ, „на завтра“, — общности въ дѣлѣ защиты разъ добытыхъ совокупными усиліями правъ и учрежденій, долженствующихъ служить для всѣхъ наличныхъ классовъ населенія, а также и въ дѣлѣ прогрессивныхъ мѣръ ко благу наиболѣе обиженныхъ теперь въ соціальномъ и культурномъ отношеніи классовъ. Сознаніе общности интересовъ и необходимости совокупной борьбы различныхъ общественныхъ группъ въ Россіи противъ абсолютизма, если только оно послѣдовательно, непремѣнно должно повести за собою сознаніе необходимости органическаго компромисса между стремленіями различныхъ группъ, въ видѣ извѣстной программы, столько же политической, сколько и соціальной.

Въ параграфахъ статьи III-ей мы старались сдѣлать систематическій сводъ политическихъ стремленій либеральныхъ группъ въ Россіи изъ людей свободныхъ профессій и собственниковъ. По множеству причинъ, которыхъ выше мы коснулись только отчасти, для всѣхъ этихъ группъ является настоятельно необходимымъ выработать, рядомъ съ программою чисто политическою, и досточно широкую программу соціально-экономическихъ мѣръ въ пользу чернорабочихъ массъ народа. Съ другой стороны, всѣ защитники интересовъ этихъ массъ, въ томъ числѣ и соціалисты, сознавшіе разъ необходимость, для какого бы то ни было прогресса Россіи, установленія въ ней политической свободы, и то, что достиженіе этого невозможно безъ дружнаго дѣйствія „всѣхъ прогрессивныхъ партій“ въ образованной части общества, должны выставить такую программу соціально-экономическихъ мѣръ, которая могла бы быть вполнѣ искренно принята и значительною частію образованныхъ собственниковъ и которая только въ такомъ случаѣ явится компромиссомъ органическимъ, а не механическимъ.

Такая программа можетъ быть, по нашему мнѣнію, получена вполнѣ объективнымъ способомъ, если, оставивъ въ сторонѣ идеальные планы и теоріи соціально-экономическаго устройства, консервативнаго или революціоннаго характера, взять maximum (съ демократической точки) практическихъ мѣръ, предложенныхъ въ русской печати и земствахъ въ пользу массъ народа со стороны либеральныхъ разночинцевъ и образованныхъ собственниковъ, и minimum требованій „соціально-демократическихъ", „народныхъ", „рабочихъ" и т. п. партій въ Западной Европѣ, т. е. требованія, возможныя къ исполненію и безъ всеобщей конфискаціи личной собственности. Въ ст. V мы предлагаемъ опытъ программы, полученный нами подобнымъ способомъ. Соединивъ около себя во вполнѣ искренній союзъ, по крайней мѣрѣ на извѣстное время честнаго опыта, значительное число образованныхъ людей разныхъ соціально-экономическихъ идеаловъ, такого рода программа дала бы, и при томъ въ легко вообразимомъ времени, извѣстныя существенныя облегченія тяжестей чернорабочихъ массъ, а потому могла бы расчитывать и на искреннее сочувствіе и поддержку значительной доли этихъ массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы позволяемъ себѣ думать, что при самомъ непродолжительномъ проведеніи начертанныхъ въ этой программѣ мѣръ въ предположенныхъ въ III-ей статьѣ учрежденіяхъ мѣстнаго и государственнаго самоуправленія, образовались бы въ Россіи основы столько же оригинальной, сколько и европейской прогрессивной демократіи, которая была бы способна принять дѣловое участіе въ общей теперь всему цивилизованному міру работѣ надъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса.

Вопросъ же этотъ въ настоящее время въ наиболѣе образованныхъ странахъ проявляется далеко не въ тѣхъ простыхъ формахъ, въ какихъ его себѣ представляютъ многіе наши домашніе политики консервативнаго и революціоннаго направленія. Соціальное движеніе въ этихъ странахъ является въ нѣсколькихъ видахъ, напримѣръ, не только 1. въ видѣ болѣе или менѣе рѣзкой пропаганды различныхъ варіацій ком-

мунистическаго идеала, но и 2. въ видѣ усилій къ организаціи „рабочихъ, или народныхъ партій“, которыя должны соединить въ себѣ по возможности всѣ элементы теперешнихъ чернорабочихъ классовъ для дѣятельнаго участія въ текущей политической жизни, а такое соединеніе возможно только около программъ практическихъ мѣръ, осуществимыхъ въ скорѣйшее время, т. е. при настоящихъ условіяхъ общественной жизни[1] и, наконецъ, 3. въ видѣ попытокъ разныхъ политическихъ группъ, не принадлежащихъ къ чернорабочимъ классамъ, сблизиться съ этими послѣдними, хотя бы пока и въ чисто консервативныхъ видахъ, провести извѣстныя мѣры или даже выработать (неизбѣжно, при извѣстномъ участіи самихъ чернорабочихъ классовъ), основы соціальной политики, которая бы по крайней мѣрѣ смягчала, если не уничтожала вовсе, несправедливости теперешняго экономическаго строя, основаннаго на частной собственности.[2] Какъ подвидъ намѣченныхъ выше

---

[1] Стремленіе это обнаружилось въ свободной Англіи уже давно, во время агитаціи въ пользу фабричнаго законодательства и въ рабочихъ союзахъ (trades-unions); теперь даже болѣе радикальная democratical federation въ своей программѣ, правда, говоритъ о „національзаціи земли“, какъ о дѣлѣ болѣе созрѣвшемъ въ Англіи, но по фабричному и другимъ подобнымъ вопросамъ ограничивается требованіями, въ родѣ обязательной постройки здоровыхъ жилищъ для рабочихъ, нормальнаго рабочаго дня въ 8 часовъ, обязательнаго образованія съ обѣдомъ для дѣтей въ школахъ, прогрессивнаго налога и т. п. Въ Швейцаріи, гдѣ проповѣдь революціоннаго соціализма никогда не имѣла успѣха, потому что при тамошнихъ политическихъ учрежденіяхъ она не имѣетъ смысла, рабочія организаціи разныхъ оттѣнковъ мнѣній, въ прошломъ году на общемъ съѣздѣ (Arbeitertag) постановили солидарно дѣйствовать для проведенія чрезъ соотвѣтственныя законодательныя учрежденія мѣръ въ пользу болѣе дѣйствительнаго надзора за фабриками, обезпеченія стариковъ и увѣчныхъ, международнаго фабричнаго законодательства, введенія посредническихъ судовъ (prud'hommes) и т. п. Даже во Франціи, послѣ утвержденія республики, сами теоретики-коммунисты почувствовали необходимость въ programmes-minimum, а въ послѣднее время значительнѣйшая часть ихъ, такъ называемые поссибилисты, рѣшительно стали выходить на практическій путь, перемѣнивъ даже имя своей „рабочей партіи“ съ „соціально-революціонной“ на „fédération des travailleurs socialistes de France“. Въ Германіи бисмарковскій противосоціалистическій законъ задерживаетъ обращеніе „соціальной демократіи“ въ практическую политическую партію, по примѣру швейцарскаго Arbeitertag, которому сочувствуютъ нѣмецкіе соціалдемократы. Но и теперь органъ послѣднихъ Der Social-Democrat (1884, № 6) говоритъ о своей партіи, что „она не признаетъ принципіальнаго противорѣчія между реформою и революціею и не представляетъ изъ себя партіи революціонныхъ дѣлъ мастерства“ (keine Partei der Revolutionsmacherei).

[2] Въ Англіи упомянутыя попытки проявились уже давно въ такъ называемомъ „христіанскомъ соціализмѣ“ и въ поддержкѣ фабричнаго законодательства даже торіями, а теперь проявляются въ аграрномъ законодательствѣ, въ разработкѣ вопроса о національзаціи земли, о жилищахъ рабочихъ классовъ и т. п. людьми разныхъ направленій: пасторами, учеными, вродѣ Уолласа, радикалами-министрами, вродѣ Чемберлена, и даже консерваторами, вродѣ Солсбери. Менѣе глубоки, но всетаки важны, какъ начало, тѣ подходы къ соціальному вопросу, которые обнаружились въ послѣдніе годы въ правительственныхъ проектахъ, парламентскихъ

проявленій соціальнаго движенія новѣйшаго времени, не послѣднее мѣсто занимаетъ начавшееся выступленіе на политическую арену, рядомъ съ чернорабочими городскими классами, крестьянства, которое во многихъ мѣстахъ состоитъ на добрую долю изъ собственниковъ, а вовсе не изъ однихъ пролетаріевъ, а потому, по крайней мѣрѣ надолго, останется глухо къ проповѣди коммунизма, хотя не можетъ быть равнодушно къ разнымъ другимъ сторонамъ соціальнаго движенія. Все это вмѣстѣ, при возрастающемъ юридическомъ и практическомъ расширеніи всенароднаго представительства и опытахъ непосредственнаго народнаго законодательства (которое, кстати сказать, немыслимо въ централизованныхъ государствахъ, гдѣ не можетъ быть ни правильной разверстки вопросовъ на мѣстные и общіе, ни надлежащей политической школы въ голосованіи по дѣламъ мѣстнымъ) выдвигаетъ соціальное движеніе на такую широкую арену открытой борьбы и конкурренціи сложныхъ общественныхъ элементовъ, на которой теряетъ всякое значеніе вся фразеологія и всѣ расчеты прежнихъ политическихъ и соціальныхъ партій консервативнаго и революціоннаго характера. Всѣ мечтанія пріостановить, или урегулировать соціальное движеніе „спасительными“ диктатурами и разными манипуляціями „сильной власти“, или же сразу порѣшить соціальные вопросы революціонными вспышками: хитрыми заговорами, столичными возстаніями, диктатурами временныхъ правительствъ, или даже всего городского рабочаго класса, хотя бы и всей страны, — все это теперь становится полнымъ анахронизмомъ, „явленіемъ переживанія“.[1]

рѣчахъ и въ литературѣ Германіи, Австріи, Италіи и Франціи. Въ С. Американскихъ Штатахъ интересны знаменія вродѣ проекта губернатора (президента) шт. Мериленда о 8 часовомъ рабочемъ днѣ. Въ швейцарскихъ политическихъ кругахъ знаменательны стремленія обезпечить дѣйствительность мѣстнаго фабричнаго законодательства международными договорами о рабочемъ днѣ. И т. п. и т. п.

[1] Говоря это, мы вовсе не хотимъ сказать, что въ западно-европейскомъ мірѣ уже совершенно невозможны, какъ революціонныя вспышки, а тѣмъ болѣе индивидуальныя и кружковыя попытки нарушить мирное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, такъ и опыты полицейской реакціи. Напротивъ того, мы думаемъ, что и западноевропейскому міру предстоитъ въ ближайшіе годы пережить періодъ довольно дѣятельнаго проявленія того движенія, которое называется теперь „анархическимъ“ (довольно неправильно, такъ какъ оно не имѣетъ почти ничего общаго съ извѣстнымъ ан-архическимъ ученіемъ Прудона), или соціально-террористическимъ, по-просту: рядъ попытокъ убійства, разбоя и кражи съ политико-соціаль-

Соціалистическое движеніе въ Россіи до сихъ поръ исходитъ преимущественно отъ людей, которые сами не принадлежатъ къ классамъ чернорабочимъ и которые увлекаются соображеніями нравственными: потребностью видѣть около себя осуществленіе соціальной справедливости, а не потребностями экономическими или стремленіями классовыми. Эта принадлежность соціалистовъ въ Россіи къ классамъ состоятельнымъ и болѣе образованнымъ налагаетъ на нихъ обязанность понимать современное соціальное движеніе во всей его широтѣ, свободно отъ всякой исключительности классовыхъ кружковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ основаніе смотрѣть не слишкомъ пессимистически на будущее отношеніе въ Россіи болѣе состоятельныхъ классовъ ко благу классовъ чернорабочихъ, когда всѣ эти классы, поставленные лицомъ къ лицу, выступятъ на арену политической самодѣятельности.[1] Судя по тому искреннему отношенію къ

ными тенденціями. Движеніе это вытекаетъ, какъ изъ весьма естественнаго, хотя и недальновиднаго, озлобленія соціальными несправедливостями, такъ и отъ заразы, распространяющейся изъ давно сближаемой въ соціальномъ и національномъ отношеніи Ирландіи и изъ угнетаемой во всѣхъ отношеніяхъ Россіи. Проявленія этого движенія, конечно, вызываютъ опыты полицейской реакціи, особенно въ странахъ, гдѣ эти проявленія могутъ послужить предлогомъ для оживленія еще не окончательно подавленнаго монархическаго абсолютизма (въ Пруссіи, Австріи, Испаніи). Но важно что теперь во всѣхъ странахъ Западной Европы есть уже политическія партіи, — и соціалистическія, и консервативныя, — которыя понимаютъ, въ чемъ состоитъ суть рабочаго движенія и какова должна быть относительно его здравая политика. Важно и то, что въ странахъ болѣе свободныхъ (Швейцарія, Бельгія и даже Англія собственно) проповѣдь соціальнаго терроризма не прививается къ населенію. (Объ этомъ всемъ мы говорили подробнѣе въ брошюрѣ „Le tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale", 1881, которой предсказанія относительно перенесенія политическихъ убійствъ изъ Россіи на соціальную почву въ Западную Европу, къ сожалѣнію, вполнѣ оправдались, а также въ статьѣ „Динамитно-анархическая эпидемія и самоуправленія" въ № 58 „Вольнаго Слова".)

[1] Здѣсь кстати будетъ замѣтить вообще, что, не отрицая нисколько важности классоваго сознанія въ разныхъ слояхъ демоса, ни необходимости ихъ классовой организаціи для защиты своихъ интересовъ, мы думаемъ, что соціально-демократическая доктрина, исповѣдуемая многими и въ Россіи, какъ своего рода религія, которая предписываетъ во всемъ видѣть во всей исторіи только классовую экономическую борьбу, со ступенеобразною смѣною господствующихъ классовъ, болѣе правильна, какъ схематическій чертежъ, полезный для уясненія многихъ явленій жизни и вмѣстѣ утѣшительный для извѣстныхъ соціалистическихъ кружковъ во время ихъ слабости, чѣмъ вѣрна, какъ полное изображеніе дѣйствительности. Въ послѣдней, напримѣръ, политическія революціи XVI—XVIII вв. вовсе не были исключительно дѣломъ „третьяго класса или буржуазіи"; такъ, не говоря уже о революціяхъ голландской, англійской, сѣверо-американской, довольно будетъ напомнить, что во время великой французской революціи ограниченія монархическаго абсолютизма, посредствомъ провозглашенія неприкосновенности личныхъ правъ и посредствомъ организаціи представительства, требовали наказы и первыхъ двухъ классовъ (духовныхъ и дворянъ), а уничтоженіе остатковъ феодализма совершилось подъ давленіемъ крестьянскаго движенія, носившаго даже монархическую окраску (въ государствахъ средней Европы значительная часть противофеодальныхъ преобразованій, совершенныхъ во Франціи революціей, сдѣлана была въ

нуждамъ чернорабочихъ классовъ, которое проявляетъ значительная часть образованныхъ людей въ Россіи съ самаго времени освобожденія крестьянъ, можно съ достовѣрностью предполагать, что, при политической свободѣ, въ двухъ ея непремѣнныхъ видахъ, — правахъ человѣка и гражданина и самоуправленіи, — не малое количество „интеллигенціи" найдетъ въ органахъ самоуправленія естественное поле для приложенія своихъ гуманныхъ чувствъ и широкихъ стремленій къ служенію чернорабочимъ массамъ. Въ этихъ же учрежденіяхъ, а особенно въ мѣстныхъ, и между ними въ первой линіи въ общинныхъ и волостныхъ, гуманнѣйшіе люди изъ интеллигенціи встрѣтятся съ надѣленнымъ въ огромномъ большинствѣ своемъ поземельною собственностью, — во многихъ мѣстахъ общинною или артельною, — крестьянствомъ.[1] Не отказываясь, конечно, отъ связи съ городскими классами (да это и невозможно!), ни тѣмъ болѣе отъ европейскихъ (если хотите, городскихъ) идей, эти люди всего скорѣе могутъ получить политическую силу въ Россіи въ союзѣ съ упомянутымъ крестьянствомъ, съ которымъ тѣмъ скорѣе могутъ они соединиться въ органическое цѣлое, что это крестьянство наиболѣе въ нихъ нуждается, — и такъ въ Россіи можетъ сложиться дѣйствительно оригинальное (хотя, конечно, не вполнѣ самобытное) соціально-политическое явленіе въ ряду другихъ соціально-народныхъ партій Европы.

Особенно скораго успѣха можетъ надѣяться достичь такого рода прогрессивно-демократическая, по своему тоже соціальная, партія въ тѣхъ областяхъ Россіи, гдѣ болѣе свободный духъ населенія, меньше подвер-

---

XIX в. даже монархіей съ бюрократіей). Подобно этому и соціальный вопросъ XIX в. (вопросъ соціальной справедливости и вмѣстѣ организаціи производства) не есть дѣло одного „четвертаго класса, пролетаріата", который вдобавокъ вовсе не „весь народъ", какъ не было „всѣмъ народомъ" и „третье сословіе" 1789 г. Пролетаріатъ — фабрично-городской и даже сельскій —, конечно, чѣмъ дальше, все больше получаетъ политическое значеніе, но и другіе классы (и высшіе, и низшіе) не бездѣйствовали и не будутъ, конечно, бездѣйствовать въ вопросахъ общественнаго устройства, хозяйства и просвѣщенія. Этихъ обстоятельствъ не слѣдуетъ забывать и въ Западной Европѣ, а особенно въ Россіи, гдѣ, въ силу историческихъ условій, столпились вмѣстѣ политическія и соціальныя (и даже религіозныя) задачи цивизаціи XVI—XIX столѣтій.

[1] Вопросъ о такомъ значеніи мѣстнаго самоуправленія для наиболѣе нравственно развитой части „интеллигенціи" въ Россіи очень обстоятельно разобранъ въ статьѣ „Нѣсколько мыслей по вопросу: Что дѣлать?" въ 38 № „Вольнаго Слова".

гавшагося давленію крѣпостного права, соединяется съ болѣе благопріятнымъ для демоса распредѣленіемъ землевладѣнія (большой процентъ землевладѣнія мелкаго, казеннаго или войскового), какъ, напримѣръ, въ самыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, въ Приуральѣ, въ Волжскомъ Низовьѣ, въ земляхъ казаковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новороссіи, въ Лѣвобережной Украйнѣ, въ которой въ добавокъ значительное число мелкаго дворянства, дающее и теперь большой процентъ людей свободныхъ профессій, а также сословіе „малороссійскихъ казаковъ" представляютъ весьма многонадежный матеріалъ для предполагаемой нами прогрессивной демократіи. И теперь уже въ нашихъ крайне несовершенныхъ и подавляемыхъ бюрократіей земскихъ учрежденіяхъ названныхъ областей можно видѣть указанія довольно благопріятныя въ пользу намѣченныхъ выше ожиданій нашихъ.[1] При широкомъ же мѣстномъ самоуправленіи, можно съ положительностью расчитывать на то, что въ этихъ областяхъ (изъ которыхъ, замѣтимъ, большое количество приходится на земли украинскія) дѣло благопріятной массамъ народа соціально-экономической политики пойдетъ довольно успѣшно, даже если бы въ другихъ областяхъ Россіи оно и встрѣтило себѣ большія помѣхи.

Такимъ образомъ будущность практическаго соціализма въ Россіи, такъ же какъ и будущность политической свободы, лежитъ въ вопросѣ объ организаціи въ ней системы самоуправленія.

Таковы теоретическія соображенія, на основаніи которыхъ мы позволяемъ себѣ думать, что предлагаемая нами соціальная программа могла бы быть поддерживаема, какъ своего рода россійская programme-minimum, и лицами, раздѣляющими начала европейскаго соціалистическаго движенія. Но независимо отъ этихъ соображеній, а стоя на чисто практической точкѣ, мы думаемъ, что во всякомъ случаѣ программа эта не очень удаляется отъ того maximum,

---

[1] См. свѣдѣнія о заботахъ разныхъ земствъ о народномъ образованіи, между прочимъ, и въ брошюрѣ „Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ" (отдѣльный оттискъ изъ „Вольнаго Слова"), стр. 80—82.

какой можетъ быть осуществленъ въ Россіи по соціальному вопросу въ ближайшій десятокъ лѣтъ. И если бы осуществленіе этого minimum или maximum, смотря по тому, какъ глядѣть на него, сопровождалось въ Россіи прочнымъ установленіемъ политической свободы (единственной, по развитому опытомъ сознанію современныхъ европейскихъ соціалистовъ, естественной основы и для соціальнаго движенія), то мы думаемъ, что даже люди, которыхъ болѣе или менѣе близкія соціальныя стремленія выходятъ за предѣлы вышеупомянутой программы, далеко не потеряли бы отъ того, что въ теченіе извѣстнаго времени работали бы вмѣстѣ съ тѣми, стремленія которыхъ по соціальному вопросу не заходятъ дальше этого minimum. И это тѣмъ болѣе, что согласно статьѣ VI нашего проекта Устава члены „Вольнаго Союза“ съ значительно разнящимися соціальными идеалами, по достиженіи общихъ условленныхъ цѣлей, могли бы разойтись совершенно свободно и безъ всякихъ недоразумѣній.

Ко второй части.

Къ статьямъ I—II. Во всѣхъ образованныхъ странахъ, гдѣ общественная жизнь представляетъ разнообразные примѣры политической дѣятельности: открытыхъ ли политическихъ партій, заговоровъ ли, или военно-революціонной борьбы, мы видимъ, что политическая карьера не есть что-либо отдѣльное отъ всѣхъ другихъ публичныхъ профессій, а тѣсно связана съ этими послѣдними, такъ что разные дѣятели постольку и вліятельны на политическомъ полѣ, поскольку они представляютъ собою извѣстныя общественныя профессіи и интересы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ тамъ же, что политическая дѣятельность требуетъ весьма высокаго нравственнаго и интеллектуальнаго развитія и образованія, настолько широкаго, чтобъ политикъ могъ отчетливо сознавать настоящее и возможное ближайшее будущее положенія дѣлъ, какъ въ своей родинѣ, такъ и въ окружающихъ ее странахъ.

Въ Россіи группою политическихъ дѣятелей, наиболѣе вліятельныхъ во время своего дѣйствія и даже послѣ своего военнаго пораженія, слѣдуетъ, конечно, признать такъ называемыхъ декабристовъ. Извѣстно же, какого разносторонняго образованія были эти люди и какъ въ кружкахъ ихъ, особенно въ кружкѣ „Соединныхъ Славянъ", давшемъ едва ли не самыхъ энергическихъ людей даже въ военно-революціонномъ дѣлѣ возстанія въ Кіевской губерніи въ январѣ 1826 г., — поставлялось правиломъ, что члены общества, кромѣ приготовленія къ непосредственному военно-революціонному дѣйствію, должны заботиться о своемъ усовершенствованіи и о снисканіи себѣ сочувствія общества и солдатъ прежде всего добросовѣстнымъ и гуманнымъ исполненіемъ своихъ профессіональныхъ обязанностей, распространеніемъ образованія, содѣйствіемъ освобожденію крестьянъ и т. п. (Подробности см., напримѣръ, въ „Запискахъ Неизвѣстнаго", Горбачевскаго, — въ Русскомъ Архивѣ 1882. № 2).

Изложенныя выше понятія о качествахъ, требуемыхъ отъ политическаго дѣятеля, естественно дѣлаютъ невозможнымъ для „Вольнаго Союза" ни принятіе въ въ число своихъ членовъ людей очень молодыхъ и не окончившихъ образованія по избранной ими профессіи, ни какія либо дѣйствія, которыя бы препятствовали такимъ людямъ стать въ свое время политическими дѣятелями съ требуемыми качествами. Исключительныя понятія, какія существуютъ еще въ разныхъ кругахъ въ Россіи относительно роли „молодежи" въ революціонной дѣятельности заставляютъ сказать объ этомъ предметѣ еще нѣсколько словъ.

Никогда ни въ одной странѣ молодежь, — преимущественно учащаяся, не принимала относительно столь большаго участія въ революціонно-политической дѣятельности, какъ въ послѣднее время въ Россіи. Обстоятельство это, конечно, объясняется прежде всего относительною слабостью политическаго образованія и энергіи въ взрослыхъ членахъ общества и потому является фактомъ фатальнымъ. Но будучи таковымъ, обстоятельство это является тѣмъ

не менѣе бѣдственнымъ для страны, пораждая разнаго рода слабости и прямыя немощи, какъ внутри самыхъ политико-революціонныхъ партій русскихъ, такъ и во всемъ ходѣ политическихъ дѣлъ въ странѣ. Преимущественное пополненіе рядовъ дѣятельныхъ революціонеровъ людьми очень молодыми и не окончившими своего образованія неизбѣжно придаетъ политическому движенію характеръ неустойчивости въ его теоретической и практической сторонахъ и лишаетъ это политико-революціонное движеніе должной силы и вліянія на общество и потому какихъ либо прочныхъ успѣховъ. Въ то же время внутри самаго движенія численное преобладаніе молодежи дѣйствуетъ деморализирующимъ образомъ на руководителей этого движенія, пріучая ихъ имѣть дѣло съ средою, слишкомъ податливою, когда обращаются къ ея чувству, и слишкомъ нетерпимою, когда противорѣчатъ ея идеямъ и надеждамъ, продиктованнымъ этимъ чувствомъ. Критическая мысль все больше изгоняется изъ среды, въ которой ея наиболѣе слѣдовало бы ожидать, и мѣсто ея начинаютъ занимать признаки религіознаго сектантства, которое неизбѣжно стремится сложиться въ своего рода церковь съ всѣми ея невыгодными сторонами. Съ другой же стороны, преждевременная гибель молодыхъ политическихъ борцовъ въ теченіи длиннаго промежутка времени, приводитъ страну къ истощенію нравственныхъ силъ, необходимыхъ для ея прогресса политическаго, соціальнаго и культурнаго, и въ концѣ всего пораждаетъ довольно печальную реакцію и въ самой молодежи. Въ виду отчасти указанныхъ выше слабостей, а особенно безрезультатности гибели той части молодежи, которую горячность ввела слишкомъ рано въ политическую борьбу, другая часть молодежи также преждевременно охлаждается, заражается полнымъ скептицизмомъ и отдается грубо-эгоистическимъ стремленіямъ. Всѣ эти и многія другія подобныя явленія достигаютъ степени настоящаго бѣдствія для страны вообще и для самаго революціоннаго политическаго движенія въ ней въ частности, когда они сопровождаются, какъ это было недавно въ русскихъ

революціонныхъ кругахъ, проповѣдью о ненужности высшаго школьнаго ученія для „революціонной дѣятельности“.[1])

Въ настоящее время нужно быть ослѣпленнымъ, чтобъ не видѣть всей ошибочности отношеній большей части иниціаторовъ русскаго революціоннаго движенія съ конца 60-хъ годовъ къ „молодежи“ и „наукѣ“. Даже если вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ, что „партія дѣйствія“ не можетъ быть создана въ Россіи изъ наличнаго состава болѣе взрослаго ея населенія, то все таки нужно сознаться, что серьезныя политическія партіи, въ полномъ значеніи этого слова, не могутъ быть созданы изъ не окончившей ученія молодежи и людей безпрофессіональныхъ, и что во всякомъ случаѣ лучше подождать нѣсколько лѣтъ, пока элементы для такой партіи созрѣютъ изъ теперешней молодежи, нежели двигать послѣднюю въ политическую борьбу неприготовленною въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи.

По этому прямой интересъ противниковъ настоящаго политическаго, соціальнаго и культурнаго строя въ Россіи удерживать учащуюся молодежъ отъ преждевременной активной политической дѣятельности, или,— что въ сущности одно и тоже, — поддерживать въ этой молодежи мысль о необходимости политическаго образованія (при профессіональномъ, конечно) для политической дѣятельности. Конечно, такое дѣйствіе представляетъ задачу нелегкую и очень деликатную, такъ какъ агенты правительства чуть не ежедневно нарушаютъ естественнѣйшіе интересы уча-

---

[1] Характеристично, что теперь въ органахъ реакціонныхъ, поддерживающихъ русское правительство въ его мѣрахъ къ разрушенію высшихъ школъ въ Россіи можно встрѣтить почти буквальное повтореніе тѣхъ нападокъ на „буржуазную“ науку и на „барскія“ школы, какія нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказывались „русскими соціальными революціонерами“ и „народниками“. Это одинъ изъ многихъ съ 60-хъ годовъ примѣровъ совпаденія и даже упрежденія разными фракціями русскаго радикализма и народничества стремленій реакціоннаго абсолютизма. Интересно, что въ послѣднее время начинаетъ передвигаться слѣва направо и теорія „субъективнаго метода въ соціальныхъ наукахъ“ (удивительная въ научномъ мірѣ теорія!), бывшая въ ходу въ тѣхъ кругахъ русскихъ радикаловъ, которые допускали пользу наукъ и для „революціоннаго или народнаго дѣла“. Слѣдуетъ надѣяться (и на это есть уже признаки), что подобный переходъ антикультурныхъ рефлексовъ и заблужденій въ круги, въ коихъ они всего болѣе у мѣста, окажетъ самое благодѣтельное вліяніе на русскія радикально-демократическія партіи, научивъ ихъ основывать свое дѣло на прочныхъ устояхъ правъ человѣка и объективной (чистой) науки и искусства, устояхъ, которые неблагоразумно пробовалъ было колебать недавній нигилизмъ.

щейся молодежи и оскорбляютъ ея благороднѣйшія чувства, причемъ иногда дѣйствуютъ съ видомъ сознательныхъ провокаторовъ, но трудность и деликатность задачи не дѣлаетъ ее еще невозможною. Во всякомъ случаѣ важно, чтобъ политическое общество, въ родѣ „Вольнаго Союза", задавшееся цѣлями, требующими весьма сложнаго, сознательнаго и настойчиваго дѣйствія на довольно продолжительный срокъ времени, — не увлекалось соблазномъ поскорѣе и полегче собрать себѣ побольше членовъ изъ учащейся молодежи и придать себѣ поскорѣе видъ сильной и активной партіи и тѣмъ на самомъ дѣлѣ не подорвало своей силы въ ближайшемъ будущемъ, когда ряды его могли бы быть пополняемы постояннымъ притокомъ изъ созрѣвшей и окончившей свое образованіе молодежи. По этому отношенія „Вольнаго Союза" къ учащейся молодежи должны быть отношеніями, такъ сказать, боевой арміи къ резерву: они должны состоять прежде всего въ добросовѣстномъ и гуманномъ исполненіи профессіональныхъ обязанностей передъ молодежью, во всегдашней готовности оказать послѣдней матеріальную и нравственную помощь и защиту, въ распространеніи среди молодежи идей Союза, подкрѣпляемыхъ научными доказательствами, и въ склоненіи молодежи приготовляться къ труду въ пользу родной страны и ея населенія сообразно идеямъ Союза. Въ послѣднемъ отношеніи необходимость систематической помощи политическому образованію молодежи является тѣмъ болѣе настоятельною, что правительство русское своимъ отношеніемъ къ печати и школѣ полагаетъ всевозможныя препятствія таковому образованію. Препятствія эти не могутъ теперь быть преодолѣны безъ распространенія въ Россіи произведеній мысли болѣе свободныхъ народовъ, составленія и печатанія заграницей книгъ для политическаго воспитанія россійскихъ обществъ, доставленія молодымъ людямъ возможности наглядно познакомиться съ жизнію передовыхъ народовъ и другихъ подобныхъ пріемовъ, за которые не можетъ взяться никто, кромѣ организованнаго политическаго общества.

Доказывать необходимость основательнаго ознакомленія съ своей родиной для полноты политическаго образованія, какъ залога для успѣшной политической дѣятельности въ этой родинѣ, мы думаемъ, теперь уже нѣтъ надобности. Такимъ образомъ мы получаемъ цѣлый кругъ подготовительной для политической дѣятельности работы, исполненіе которой, конечно, можетъ наполнить съ избыткомъ нѣсколько лѣтъ молодой жизни. Само собою разумѣется, что эта подготовительная работа, даже для своей формальной успѣшности, требуетъ своего рода организаціи и между молодыми людьми, а также связи этой организаціи съ дѣйствующими политическими сообществами, при чемъ связь между членами кружковъ молодежи, имѣющихъ цѣлью политическое самообразованіе, должна не прекращаться и по окончаніи ученія, а самое занятіе родиновѣдѣніемъ должно сопровождаться планами систематическаго выбора мѣстъ приложенія труда по выходѣ изъ школы такимъ образомъ, чтобы постоянный переходъ молодыхъ людей отъ школы къ практической дѣятельности былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и систематическимъ занятіемъ страны силами политическаго общества, имѣющаго цѣлью ея освобожденіе и развитіе.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о примѣчаніи къ настоящей статьѣ. Въ примѣчаніи этомъ можетъ нѣкоторымъ показаться страннымъ выставленіе необходимости „знакомства съ жизнію западноевропейскихъ народовъ“ прежде „ознакомленія съ своей родиной“. Конечно, никто больше насъ не можетъ желать того, чтобъ украинскіе уроженцы наиподробнѣйшимъ образомъ изучали свою родную страну и ея населеніе, такъ какъ знакомство это есть не только необходимое условіе прочности успѣха всякаго рода общественной дѣятельности въ странѣ, но и условіе самаго побужденія къ работѣ на пользу ея населенія, любви къ послѣднему. (Не подлежитъ сомнѣнію, что сама теперешняя необходимость призывать образованныхъ уроженцевъ Украйны къ работѣ въ ней и въ пользу ея населенія происходитъ отъ того, что вся система публичнаго образованія и усло-

вія печати въ Россійской Имперіи съ XVIII в. ведутъ къ тому, чтобъ ослабить знакомство образованныхъ классовъ на Украйнѣ съ этой страною и ея населеніемъ). Но вся Восточная часть Европы стоитъ въ особыхъ отношеніяхъ къ Западу ея, вслѣдствіе своей исторической отсталости. Только знакомство съ жизнью западной, передовой части нашей страны свѣта можетъ дать и намъ руководящія нити для правильнаго прогресса политическаго, соціальнаго и культурнаго. Неправильность, перерывчатость, неустойчивость и пагубнѣйшія ошибки въ общественномъ движеніи Россіи за послѣднее время и множество страннѣйшихъ заблужденій, господствующихъ въ разныхъ кругахъ образованныхъ людей въ Россіи, объясняются главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что правительственная система образованія и печати стѣсняетъ знакомство этихъ людей съ современной жизнью западноевропейскихъ народовъ и ея исторіей, не только новѣйшей, но даже (что напр. имѣетъ мѣсто особенно относительно религіознофилософской стороны культуры) и болѣе раннихъ эпохъ.[1]

По отношенію къ Украйнѣ прямое знакомство съ Западомъ Европы имѣетъ еще особенное значеніе, дѣлающее это знакомство необходимымъ для успѣха самаго украинскаго родиновѣдѣнія и соображенной съ нимъ общественной дѣятельности. Украйна до XVIII в. была хотя и самою отсталою (вслѣдствіе совпаденія разныхъ географическихъ и историческихъ

[1] Много пришлось бы говорить намъ, если бы мы взялись перечислить даже важнѣйшія изъ затронутыхъ въ текстѣ пагубныхъ послѣдствій отсутствія въ Россіи близкаго знакомства съ Западной Европой Мы укажемъ только на нѣкоторыя новѣйшія и важнѣйшія ошибки и заблужденія, каковы, напр., погоня за осуществленіемъ идеаловъ соціально-демократическихъ безъ предварительнаго установленія политической свободы, разныя иллюзіи русскаго народничества, какъ консервативнаго, такъ и революціоннаго характера (идеализація раскола, крестьянской общины, старыхъ и новыхъ крестьянскихъ бунтовъ и казачества, и даже разбойничества, и т. п.), какъ равно и подражательное отношеніе къ явленіямъ и учрежденіямъ отдѣльныхъ народовъ Запада и вѣра въ возможность всецѣлаго перенесенія ихъ въ Россію. Только подробное изученіе жизни разныхъ народовъ Запада можетъ показать, что у каждаго изъ нихъ общее, а что частное, и выяснить вмѣстѣ съ тѣмъ, что есть и что должно остаться самобытнымъ и въ жизни народовъ нашей половины Европы. Нельзя не упомянуть здѣсь также и объ общей наклонности даже образованныхъ русскихъ къ мистицизму и къ фантастичности, при всей ихъ внѣшней нерелигіозности и отвлеченной любви къ реализму, наклонности, которая можетъ быть объяснена, между прочимъ, отсутствіемъ въ русской системѣ образованія свободной науки о религіозно-философской сторонѣ исторіи культуры и которая составляетъ важное препятствіе къ выработкѣ въ Россіи системы настойчиво-прогрессивной политической дѣятельности.

условій), но всетаки органическою частію культурной Европы. Оторвана была Украйна отъ этой Европы вслѣдствіе своего подчиненія деспотической и централизованной Россійской имперіи, именно тогда, когда коренная страна этой имперіи, Великороссія, (сама отставшая отъ культурной Европы столько же вслѣдствіе неблагопріятныхъ географическихъ и внѣшнихъ историческихъ причинъ, сколько и черезъ разореніе родныхъ центровъ культуры, сѣверозападныхъ народоправствъ Новгородскаго и Псковскаго Московскимъ царствомъ), начала входить въ болѣе близкія сношенія съ культурной Европой, хотя по иниціативѣ гораздо болѣе правительственной, нежели народной, а потому и преимущественно съ видами военно-административными, нежели свободно-общественными. Съ тѣхъ поръ между Украйной и Европой создалась стѣна, и окнами въ Европу и для Украйны стали великороссійскія столицы, что вдвойнѣ неблагопріятно отразилось и отражается на развитіи Украйны. Благодаря правительственной цензурѣ надъ школами и печатью, европейскій свѣтъ проникаетъ чрезъ эти окна весьма затемненнымъ даже и въ Великороссію, но и остатки этого свѣта преломляются въ великороссійской средѣ и принимаютъ тамъ мѣстную окраску. Въ этой частной, великороссійской окраскѣ европейскія политическія, соціальныя и культурныя идеи предлагаются и украинцамъ за идеи европейскія по сущности, и за родныя и для украинцевъ по формѣ и по подробностямъ ихъ развитія. Но такъ какъ между Украйной и Великороссіей далеко не существуетъ тожества, особенно въ условіяхъ и признакахъ жизни внутренней: въ народномъ бытѣ и характерѣ, въ политическихъ традиціяхъ и историческихъ задачахъ и т. п., то вышеупомянутое предложеніе украинцамъ политическихъ, соціальныхъ и культурныхъ идей, выработанныхъ въ великорусскихъ столицахъ, создаетъ около нравственныхъ очей даже наиболѣе образованной части украинской публики цѣлый рядъ миражей то мнимо-космополитическаго, то мнимо-національнаго и народническаго характера, среди которыхъ крайне трудно оріентиро-

ваться въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи.[1] Только обращеніе украинцевъ къ непосредственнымъ источникамъ европейской культуры, можетъ положить конецъ такому ненормальному и для всѣхъ вредному положенію дѣлъ. Это обращеніе будетъ доставлять Украйнѣ европейскія идеи въ ихъ неурѣзанномъ и чистомъ видѣ, и тогда естественное стремленіе приложить эти идеи къ родной почвѣ поведетъ за собою и изученіе этой послѣдней въ ея дѣйствительномъ, а не мнимомъ видѣ. Вотъ почему желательно бы было, чтобъ и въ настоящее время зачинатели освободительнаго движенія на Украйнѣ, въ своихъ усиліяхъ для пріобрѣтенія политическаго образованія, обратились къ непосредственному общенію съ культурный Европой, въ ожиданіи пока вся Украйна съ массою своего населенія, получивъ политическую свободу, опять прямо примкнетъ къ числу странъ, составляющихъ культурное человѣчество.

Къ примѣчанію I къ статьѣ III. Все это примѣчаніе было бы излишнимъ, если бы оно не вызывалось извѣстными фактами, совершающимся въ послѣдніе годы даже и на украинской землѣ, и которые обязываютъ всякую являющуюся на ней политическую группу высказаться о нихъ безъ обиняковъ. Начнемъ съ обмана населенія.

---

[1] Въ поясненіе сказаннаго выше замѣтимъ, что послѣдствіемъ слабости непосредственной связи Украйны съ цивилизованнымъ міромъ было то, что на Украйнѣ націонализмъ (украйнофильство) сбивается на пути „московскаго славянофильства", съ его православною узостью (не говоримъ уже о тѣхъ, кто цѣликомъ переноситъ программу московскаго славянофильства и на Украйну), космополитизмъ явился въ видѣ „петербургскаго западничества", съ его культомъ Петра Великаго, т. е. прогресса, предписываемаго военно-административнымъ порядкомъ, и съ его непониманіемъ значенія западно-славянскихъ отношеній, по крайней мѣрѣ, для народовъ нашей юго-западной части Россіи, радикализмъ явился въ видѣ „нигилизма", съ его антикультурными порывами, соціализмъ — въ формѣ „народничества", съ его мистицизмомъ и деревенщиною, политическій революціонизмъ — въ формѣ „народовольства", съ его централизмомъ и темнотою понятій о сущности политической свободы, — все вообще съ окраскою столько же неевропейскою, сколько и не украинскою. Мы не скажемъ, чтобы элементы этой окраски были существенно великорусскими, но несомнѣнно, что они представляютъ прямое или косвенное порожденіе Московскаго государства, которое начало свою политическую карьеру съ уничтоженія свободы, или даже съ совершеннаго разрушенія великорусскихъ городовъ и ихъ общественной культуры, столько же національной, сколько, по тогдашнему, и европейской. Отъ разныхъ послѣдствій этой „московской заразы" (pestis moscovitica, — по слову знаменитаго путешественника, описывавшаго Новгородъ и Псковъ скоро послѣ ихъ порабощенія), которая по своему культивировалась и въ петербургскій періодъ исторіи Россіи, и сама Великороссія можетъ быть радикально излѣчена только усиленными пріемами того же лѣкарства, которое мы далѣе предлагаемъ для Украйны.

Недальновидная нетерпѣливость не разъ уже подвигала различныхъ противниковъ теперешняго политико-соціальнаго порядка вещей въ Россіи, соблазняемыхъ успѣхами (въ сущности моментальными и непрочными!) великорусскихъ самозванцевъ XVII—XVIII в., на такія дѣйствія, какъ распространеніе фальшивыхъ слуховъ, изданіе подложныхъ манифестовъ и т. п. съ цѣлью поднять крестьянъ къ бунту. Во время послѣдней войны въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ Украины были распространяемы фальшивыя телеграммы (о пораженіи русской арміи и дарованіи конституціи). Около того же времени (въ 1877 г.) нѣсколько лицъ, причислявшихъ себя къ „русской соціально-революціонной партіи", составили подложный царскій указъ къ крестьянамъ по поводу аграрныхъ волненій въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Послѣднее дѣйствіе было представлено, какъ образцовое въ одной русской соціально-революціонной газетѣ („Землѣ и Волѣ") и если потомъ оно было изображено съ нѣкоторыми оговорками въ другой русской соціально-революціонной газетѣ, („Черный Передѣлъ"), то все таки признано было дозволительнымъ, или во всякомъ случаѣ не предосудительнымъ. По личнымъ наблюденіямъ мы знаемъ, что мысль о самозванствѣ и подобныхъ политическихъ и религіозныхъ пріемахъ (послѣднее въ виду многочисленныхъ сектантовъ) возбужденія смутъ и бунтовъ, далеко не исчезла изъ разныхъ сферъ общества въ Россіи.

Мы не будемъ здѣсь приводить противъ всякаго рода обмановъ населенія возраженій со стороны нравственныхъ принциповъ, а ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями утилитарнаго характера. Уже самая неудача всѣхъ новѣйшихъ опытовъ политическаго обмана въ Россіи показываетъ, что время самозванщины и всего подобнаго ей прошло и здѣсь. Въ настоящее время рѣшительно невозможна систематическая выдержка политическаго притворства и обмана со стороны лицъ и группъ, которыя задаются сколько нибудь широкими цѣлями общественнаго преобразованія, а не мелкими заговорщицкими цѣлями и экспериментами. При томъ же въ настоящее время всякій

обманъ разоблачается весьма скоро, а разоблаченіе неизбѣжно производитъ весьма невыгодное впечатлѣніе на обманутыхъ, какъ это недавно было подтверждено и примѣромъ обманутыхъ крестьянъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ (см. корреспонденцію изъ Сибири о сосланныхъ туда „чигиринцахъ“ въ 21 № „Вольнаго Слова“), въ которомъ обманъ 1877 г., очевидно, надолго затруднилъ возможность сближенія противниковъ правительства съ крестьянами.

Кража и даже разбой съ цѣлью добытія средствъ для революціонной дѣятельности, какъ своего рода конфискація, практикуется въ послѣднее время нѣкоторыми политико-соціальными группами не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, гдѣ въ Австріи и Германіи недавно было нѣсколько опытовъ подобной „конфискаціи“.[1] Мы не станемъ здѣсь обсуждать и этого вопроса съ точки зрѣнія нравственныхъ принциповъ, а опять станемъ на точку зрѣнія практическую. Въ практическомъ отношеніи для всякаго политическаго движенія пріобрѣтеніе себѣ общественнаго сочувствія по меньшей мѣрѣ столь же важно, какъ и пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ, уже и потому, что сочувствіе это можетъ стать постояннымъ прочнымъ источникомъ и самихъ этихъ средствъ. Но общественное мнѣніе вообще относится неодобрительно ко всякой кражѣ, не только у частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, но и изъ государственныхъ кассъ. А потому во всякомъ случаѣ „конфискаторамъ“ самымъ благонамѣреннымъ придется брать на себя непопулярность, которая не можетъ не падать и на ихъ цѣль и которая становится совсѣмъ невознаградимою, въ случаѣ неудачи покушенія на „конфискацію“, неудачи очень вѣроятной, какъ показываютъ почти всѣ извѣстные примѣры. Но если тенденціоз-

[1] Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ обѣихъ названныхъ странахъ опыты тенденціозной кражи и разбоя, какъ и приложенія на западно-европейской почвѣ тенденціозныхъ убійствъ, встрѣтили рѣшительное осужденіе правильно организованныхъ соціалистическихъ партій. См. въ „Der Sozial-Demokrat“ статью: „Воровство и революція“ (1883, № 13), которая заканчивается рѣзкими словами: „отмѣнить частную собственность оптомъ и цѣликомъ — дѣло революціонное, отмѣнять же частную собственность въ раздробь — обыкновенное дѣло жуликовъ“ (Spitzbubenpraxis). Ср. тамъ же въ № 34 статью „Attentate und Attentate“, въ № 46 — „Brutalität und Revolution“ и др. Тоже въ органѣ „Всеобщей рабочей партіи земель венгерскихъ“ — „Die Arbeiter-Wochen-Chronik“.

ная кража является, даже съ грубо-утилитарной стороны, дѣломъ, по меньшей мѣрѣ, весьма сомнительной полезности, а потому такимъ, къ которому политической группѣ лучше бы не прибѣгать, то всякое покушеніе на тенденціозный разбой, которое можетъ, или даже должно, сопровождаться убійствомъ лицъ, обязанныхъ охранять предназначенное къ „конфискаціи“ имущество (сторожей, почталіоновъ и частныхъ лицъ), возбуждаетъ общественное отвращеніе, а слѣдовательно безусловно вредно для политической группы, которая прибѣгаетъ къ подобнымъ способамъ увеличенія своихъ средствъ. А по старому еще наблюденію всякая кража можетъ, по обстоятельствамъ, перейти въ разбой и убійство...

Къ примѣчанію II-му къ статьѣ III. При такомъ политическомъ порядкѣ, какому подчинена теперь Россія, въ такое время, какое она теперь переживаетъ, никто не можетъ поручиться за себя, что онъ не совершитъ убійства, которое будетъ имѣть политическій характеръ. Но сколько нибудь дальновидные политическіе дѣятели, а тѣмъ болѣе сторонники политической свободы, должны избѣгать всего, что можетъ имѣть значеніе возведенія убійства въ систему политической борьбы, или придать убійству видъ принципіально-законнаго дѣйствія. Во первыхъ, это бы сузило самую политическую борьбу, направивъ ее болѣе противъ личностей, чѣмъ противъ извѣстнаго порядка, и давъ ей поверхностный характеръ и въ сущности болѣе легкія задачи, а во вторыхъ, и главное, признавая убійства за законный способъ политической борьбы, сторонники политической свободы дѣйствовали бы въ поддержку противнаго имъ принципа и въ подрывъ собственнаго будущаго. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о тѣхъ сторонникахъ политической свободы, которые придаютъ преимущественное значеніе огражденію интересовъ лица, правамъ человѣка и гражданина, и всѣмъ общественнымъ формамъ и учрежденіямъ придаютъ значеніе лишь постольку, поскольку они обезпечиваютъ эти интересы и права. Неприкосновенность жизни есть, конечно, первое изъ правъ личныхъ, и

въ настоящее время наиболѣе развитые люди пришли къ полному и безусловному отрицанію всякаго рода смертной казни, даже послѣ самыхъ широкихъ гарантій судебной справедливости. Но убійство, по личному замыслу, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ дѣйствія личнаго произвола, хотя бы и самаго благонамѣреннаго, но всетаки произвола; убійство же по постановленію тайнаго политическаго общества есть прежде всего казнь по приговору тайнаго суда безъ выслушанія защиты подсудимаго, суда, котораго члены суть вмѣстѣ и обвинители, и свидѣтели, и судьи, т. е. дѣйствіе прямо деспотическое. Если убійство по личному замыслу, можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ оправдано вызвавшими его обстоятельствами, то представленіе тайнаго суда заговорщиковъ дѣйствіемъ законнымъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только подкапываніемъ въ общественномъ сознаніи идеи о правахъ человѣка и гражданина, которыя по смыслу понятія о свободѣ должны стоять выше всего въ общественномъ порядкѣ и нарушеніе которыхъ не можетъ пройти безнаказанно для цѣлаго этого порядка и его развитія и въ первой линіи именно для тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые желаютъ прогрессивнаго развитія общества и которые, какъ находящіеся чаще всего въ меньшинствѣ, всего болѣе нуждаются въ гарантіяхъ своего существованія.

Вся исторія политическихъ убійствъ въ цивилизованныхъ странахъ говоритъ въ пользу справедливости послѣдняго замѣчанія и противъ того мнѣнія, опыты распространенія котораго были недавно дѣлаемы въ Россіи, а именно будто политическія убійства составляютъ особенно удобный (и при томъ новый) прогрессивно-революціонный способъ дѣйствія. Въ исторіи Западной Европы тенденціозныя убійства стали особенно часты въ эпоху борьбы религіозно-политическихъ партій XVI—XVII в., когда собственно и была систематически развита (по классическимъ, а особенно библейскимъ примѣрамъ: Аодъ, Іегу, Юдиѳь и т. п.) и теорія этихъ убійствъ. Но изъ сопоставленія фактовъ оказывается, что теорія эта съ особеннымъ усер-

діемъ разрабатывалась и практиковалась реакціонною стороною, папистами, особенно іезуитами, такъ какъ за убійствомъ Ф. Гиза (1563) гугенотомъ Польтро, котораго его единовѣрцы сравнивали съ Юдиѳью, послѣдовало со стороны папистовъ: во Франціи — покушеніе на Колиньи и потомъ Варѳоломеевская ночь (1572), убійство Генриха III (1589) Ж. Клеманомъ, котораго уже католики сравнивали съ Юдиѳью, и избіеніе „политиковъ“ (сторонниковъ вѣротерпимости) членами Св. Католической Лиги, нѣсколько покушеній на Генриха IV и потомъ убійство его (1610); въ Голландіи — убійство Вильгельма Молчаливаго (1584) послѣ неоднократныхъ покушеній; въ Англіи — пороховой заговоръ (1605); сюда же слѣдуетъ зачислить и убійство Валленштейна 1634. (Нельзя не вспомнить также и убійства Мазаніелло, народнаго вождя въ Неаполѣ въ 1647, хотя въ этомъ убійствѣ, какъ вообще во всемъ дѣлѣ Мазаніелло, религіозный элементъ не игралъ никакой роли).

Съ конца XVIII в., когда обострилась борьба изъ-за политическихъ принциповъ, тенденціозныя убійства опять стали весьма часты. Во время суда надъ Людовикомъ XVI (вообще менѣе законнаго съ процессуальной стороны, чѣмъ судъ надъ Карломъ I англійскимъ, и веденнаго съ явнымъ нарушеніемъ декларацiи о правахъ человѣка и гражданина) французскіе республиканцы якобинской школы высказывали идеи о томъ, что король долженъ быть убитъ даже безъ всякаго суда (Робеспьеръ), и приводили примѣръ съ Юл. Цезаремъ, убитымъ „безъ всякихъ формальностей“ (С. Жюстъ). Но на другой же день послѣ приговора надъ Людовикомъ XVI (1793) роялистъ Парисъ убилъ якобинца Лепеллетье „безъ всякихъ формальностей“, затѣмъ, немного спустя Шарлота Корде также „безъ формальностей“ убила Мара, который, впрочемъ при всемъ своемъ тираноненавидѣніи имѣлъ дальновидность замѣтить сосѣду при слушаніи вышеупомянутой аргументаціи Робеспьера, что „подобныя доктрины принесутъ республикѣ больше вреда, чѣмъ всѣ тираны вмѣстѣ“; вскорѣ затѣмъ послѣдовали покушенія на жизнь Колло д'Эрбуа и

Робеспьера. И если время великой французской революціи сравнительно мало еще представило примѣровъ политическихъ убійствъ такого рода, то, конечно, только потому, что разныя партіи могли по очереди убивать своихъ противниковъ посредствомъ уличной („народной") расправы и исключительныхъ „революціонныхъ" трибуналовъ, при чемъ, напримѣръ, самый арестъ Робеспьера и Кутона для постановки передъ такой трибуналъ, сопровождался покушеніями на убійство. Когда видные люди республиканскихъ партій перебили такимъ образомъ не только множество роялистовъ, но и другъ друга, тогда за уличную расправу и за политическія убійства взялись роялисты („былый терроръ" 1795 г., болѣе жестокій еще, чѣмъ терроръ „красный", адская машина 1800 г. и заговоръ Кадудаля и Пишегрю 1803 г., бѣлый терроръ 1815 г. — противъ республиканцевъ, бонапартистовъ и даже протестантовъ).

Какъ видно и изъ сказаннаго выше, политическія убійства въ XVI—XVIII в. тѣсно связывались съ такъ называемыми „народными расправами". Ученіе же о тѣхъ и другихъ находилось въ связи между прочимъ и съ тогдашними теоріями объ „общественномъ спасеніи" и о „народномъ самодержавіи". Такъ проповѣдники религіозно-политическихъ убійствъ въ XVI—XVIII в. исходили почти всегда изъ идеи не только о „волѣ божіей", которой убійца былъ-де исполнителемъ, но и изъ идеи о волѣ народа (voluntas, arbitrium populi), которая по ихъ мнѣніямъ проявлялась въ убійствѣ или массовыхъ расправахъ съ еретиками, и которой должны были подчиняться начальники и цари, подъ страхомъ быть осужденными судомъ воли божіей и народной. Исполнителемъ приговора такого суда и спасителемъ общества, полагалось, могъ явиться, не только весь народъ въ цѣломъ (что въ дѣйствительности невозможно), но и всякая часть его (въ дѣйствительности первая собравшаяся толпа), и каждый частный человѣкъ. Подобныя идеи развивали съ особенною послѣдовательностью католическіе проповѣдники и писатели, напр., во Франціи Boucher и неизвѣстный авторъ знаменитаго трактата

„О праведной власти христіанскаго общества надъ нечестивыми царями“ (De justâ Reipublicae Christianae in reges impios auctoritate. 1590). Для того, чтобъ понять всю разницу между идеями этихъ своего времени „народниковъ“ и „народовольцевъ“ и новѣйшими идеями о свободѣ, достаточно только вспомнить, что эти люди, хотя и доходили иногда до полнаго республиканизма, но возставали противъ начавшей тогда устанавливаться въ нѣкоторыхъ странахъ свободы религіозной (libertas religionis). А между тѣмъ эта свобода была одною изъ первыхъ вольностей или правъ человѣка, которыя достались образованному міру послѣ долгой борьбы противъ невѣжества и тираніи не только царей, но и народовъ. Только идея объ этихъ вольностяхъ и о потребныхъ для огражденія ихъ учрежденіяхъ (въ томъ числѣ и судебныхъ) и составляетъ основу новѣйшихъ понятій о человѣческомъ обществѣ (respublica humana), а вовсе не идея о законности политическихъ убійствъ и народныхъ расправъ и о самомъ народовластіи, вещахъ въ сущности очень старыхъ и согласимыхъ съ самымъ крайнимъ деспотизмомъ, даже монархическимъ, такъ какъ мы видимъ ихъ не только въ древнихъ республикахъ, но и въ имперіяхъ, не только римской, но и восточныхъ. (Римская имперія прямо и началась съ диктатуры, установленной „волею народа“, отчего и вышло ея юридическое опредѣленіе: „то, что пожелалъ государь, имѣетъ силу закона, такъ какъ народъ закономъ о царствѣ вручаетъ ему и возлагаетъ на него всю свою власть и силу (utpote quum populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat)“.

Капитальнѣйшая ошибка французскихъ республиканцевъ якобинскаго толка состояла именно въ томъ, что они, даже послѣ провозглашенія правъ человѣка и гражданина, своротили къ старымъ понятіямъ религіозныхъ народовольцевъ, политическимъ, а затѣмъ неизбѣжно и судебнымъ, за что и поплатились прежде всего своими головами. Такъ Мара проповѣдывалъ „народныя расправы“ (les exécutions populaires), впрочемъ надѣясь управлять ими посредствомъ

надежныхъ руководителей; Дантонъ восклицалъ при звукѣ набата, возвѣстившаго сентябрскія расправы съ „подозрительными“ въ 1792 г.: „гласъ народа — гласъ божій!“ Herault de Séchelles привѣтствовалъ депутацію парижскаго „народа“, явившуюся въ Конвентъ 31 мая 1793 г. требовать объявленія жирондистовъ внѣ закона, словами: „сила народа и сила разума одно и тоже“; Робеспьеръ (въ своемъ вообще болѣе достойномъ жреца, нежели политика, докладѣ „Объ основахъ политической нравственности, которыя должны руководить Народнымъ Соборомъ во внутреннемъ управленіи Республики“, 5 февраля 1794) подкладывалъ подъ это народничество идею, буквально повторявшую формулу религіозныхъ гонителей: „казнить утѣснителей человѣчества — есть милосердіе, щадить ихъ — варварство; медленность правосудія равна безнаказанности!“ Извѣстно, какъ кончили жизнь всѣ три упомянутые ораторы и ихъ болѣе искренніе друзья: Дантонъ и Геро казнены были какъ измѣнники „народному дѣлу“ (cause du peuple), Робеспьеръ, какъ „тиранъ и утѣснитель“, и самому Дантону пришлось называть толпу, бѣжавшую за колесницей, на которой его везли на эшафотъ, уже не „народомъ“, а „сволочью“ (vile canaille)!

Горькій опытъ прошлаго, до великой французской революціи включительно, въ связи съ прогрессомъ теоретическихъ понятій о политикѣ, произвелъ въ XIX в. значительную перемѣну и въ судебныхъ, какъ въ политическихъ понятіяхъ цивилизованныхъ обществъ. Старыя абсолютныя идеи, въ томъ числѣ и абсолютное преклоненіе предъ „общимъ спасеніемъ“, которое-де требуетъ принесенія ему въ жертву всѣхъ остальныхъ человѣческихъ принциповъ и интересовъ, и передъ „судомъ“, и „волею народа“, потеряли прежній кредитъ.[1] Политическія убійства, какъ и „народ-

[1] Имѣя въ виду въ настоящемъ случаѣ преимущественно судебную сторону извѣстныхъ общественныхъ теорій, мы не можемъ распространиться здѣсь объ ихъ собственно политической (государственной) сторонѣ, которой, впрочемъ, посвящена значительная часть какъ нашей программы, такъ и объясненій къ ней. Замѣтимъ только, что старая народновольческая фразеологія въ Западной Европѣ сдѣлалась теперь достояніемъ только отсталыхъ въ политическомъ образованіи кружковъ да партіи бонапартистовъ, которая, вздыхая по народнымъ голосованіямъ (плебисцитамъ), освящавшимъ милліонами голосовъ наполеоновскія диктатуры (въ 1799 г. 3011007 гол., въ 1802 г. — 3508885, въ 1804 г. — 3572329, послѣ того, какъ

ныя расправы“ въ принципѣ отрицаются теперь всѣми политическими партіями въ этихъ обществахъ, въ томъ числѣ и самыми революціонными и проповѣдуются только небольшими кружками, да и то не безъ оговорокъ. (Органъ нѣмецкихъ соціальныхъ демократовъ въ упомянутыхъ выше статьяхъ, даже оправдывая такія убіенія, какъ, напр., Александра II, какъ „послѣднее“ средство лишенныхъ всякихъ правъ людей, или ирландскаго предателя Кери [Carey], какъ актъ „поэтической справедливости“, протестуетъ противъ политическихъ убійствъ, совершенныхъ въ послѣдніе годы въ Западной Европѣ и проповѣдуемыхъ ново-анархистами, и говоритъ: „культурная партія не можетъ провозглашать культъ убійства, а убіеніе человѣка, которое не неизбѣжно вынуждается обстоятельствами, есть преступное убійство [Mord]). „Народныя расправы“ (въ родѣ убіенія гр. Ламберга въ Венгріи, министра Латура въ Вѣнѣ, кн. Лихновскаго и ген. Ауэрсвальда подъ Франкфуртомъ въ 1848 г.) дѣлаются чрезвычайно рѣдкими въ политической практикѣ XIX ст. даже и при возбужденіи въ революціонное время и проявляются больше въ отсталыхъ и болѣе придушенныхъ монархическимъ деспотизмомъ странахъ. При этомъ замѣчательно,

---

тоже самое политическое поколѣніе приняло республиканскую конституцію 1793 г. — 1 891 918 гол., а конституцію 1795 г. — 914 853 гол., въ 1851 г. — 7 481 636 гол., въ 1852 г. — 8 157 752, въ 1870 г. — 7 350 142 голоса) называетъ себя теперь „партіей народнаго опроса“ (appel au peuple). Вообще же старая идея народнаго самодержавія раздѣлила въ нашъ вѣкъ участь другихъ самодержавій, духовныхъ и свѣтскихъ, и замѣнилась идеей о свободномъ государствѣ, управляемомъ при всеобщемъ контролѣ и всеобщемъ участіи въ направленіи общественныхъ дѣлъ, но съ гарантіями свободы лицъ и группъ, и даже политическаго меньшинства, не говоря уже о разверсткѣ дѣлъ на мѣстныя и общегосударственныя, изъ которыхъ каждыя подлежатъ разрѣшенію соотвѣтственныхъ круговъ населенія. При этомъ теперь признается, что даже раціональное направленіе тѣхъ дѣлъ, которыя должны быть предоставлены вѣдѣнію администраціи и законодательства, болѣе или менѣе прямо зависящихъ отъ всеобщаго (народнаго) голосованія (т. е. большинства голосовъ), а также прогрессивность всего общественнаго развитія могутъ быть обезпечены столько же періодическимъ дѣйствіемъ этого голосованія, сколько и постоянной свободой критики и извѣстнымъ просторомъ иниціативы для лицъ и группъ, а также элементовъ политическаго меньшинства. То непосредственное участіе населенія въ законодательствѣ и администраціи, какое теперь вырабатывается въ федеральной Швейцаріи, изъ древнихъ общинныхъ отношеній и новыхъ демократическихъ стремленій, на основѣ вышеупомянутыхъ понятій о свободномъ государствѣ и при воздѣйствіи широкаго народнаго образованія, а именно такъ наз. иниціатива и referendum (законодательный починъ, помимо представительныхъ собраній, и всеобщее голосованіе объ извѣстныхъ мѣрахъ и законахъ, издаваемыхъ этими собраніями), учрежденія, которыя несомнѣнно приготовляютъ политическую форму будущаго всенароднаго правленія, не имѣютъ ничего общаго со старымъ „самодержавіемъ народной воли“, о которой мы должны были столько разъ оговариваться, во избѣжаніе смѣшенія понятій.

что самыми кровопролитными народными расправами и въ нашемъ столѣтіи явились расправы „контръ-революціонныя“, какъ, напр., въ первой линіи избіеніе польскихъ революціонеровъ польскими же крестьянами въ Галиціи въ 1846 г., повторившееся въ меньшихъ размѣрахъ и въ 1848 г., или участіе неаполитанскихъ лаццароновъ въ избіеніи республиканцевъ 15 мая 1848 г., повторившее въ меньшихъ размѣрахъ тамошнюю же по истинѣ каннибальскую расправу съ республиканцами въ 1799 г.

Политическія убійства, по индивидуальному или кружковому замыслу, являются еще довольно часто и въ XIX ст., и если они теперь направляются преимущественно противъ лицъ консервативнаго направленія, то, конечно, только потому, что власть въ это время принадлежала преимущественно людямъ этого направленія. Но въ числѣ немногихъ удавшихся въ наше время покушеній на жизнь лицъ, поставленныхъ у кормила власти, значительный процентъ представляютъ убійства государственныхъ людей прогрессивнаго направленія: маршала Прима въ Испаніи и президентовъ Линкольна и Гарфильда въ Сѣверной Америкѣ. (Напомнимъ также неоднократныя покушенія на жизнь знаменитаго республиканскаго дѣятеля въ Южной Америкѣ Боливара-Освободителя). Интересно, что и въ Россіи, гдѣ недавнія политическія убійства вызваны правительственнымъ гнетомъ и жестокостями, которыя напоминаютъ гоненія католицизма на протестантство, эти убійства вызвали въ свою очередь попытки уличной расправы надъ „крамольниками“ и даже планы контръ-покушеній на предполагаемыхъ „вождей крамолы“, вертѣвшіеся въ средѣ такъ называемой „Священной Дружины“, т. е. маленькія пока подобія расправъ съ протестантами въ эпоху Варѳоломеевской ночи, да конспирацій Св. Католической Лиги.

Всѣ эти факты доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что убійства представляютъ для политическихъ партій орудіе обоюдоострое, а потому и мало надежное для дѣла измѣненія извѣстнаго политическаго порядка и установленія другого. Мало того, факты эти, по на-

шему мнѣнію, даютъ основаніе ожидать, что въ Россіи, (въ которой правительство теперь такъ напоминаетъ неаполитанскихъ Бурбоновъ), монархическая реакція въ трудныхъ для нея обстоятельствахъ сама прибѣгнетъ къ политическимъ убійствамъ и къ расправамъ какихъ нибудь московскихъ мясниковъ, а потому мы думаемъ, что участники организованной борьбы за политическую свободу въ Россіи, вмѣсто того, чтобъ увлекаться обоюдоострою политикой страстей и непосредственныхъ чувствъ, должны заблаговременно приготовиться къ парализированію подобныхъ вышеупомянутымъ пріемовъ реакціи: широкой пропагандой истинно свободныхъ политическихъ идей и прочной организаціей для защиты свободныхъ учрежденій. (Выше, на стр. 70, уже было замѣчено, насколько послѣдняя зависитъ отъ децентрализаціи представительнаго правленія).

Къ статьѣ IV, § 5. Лучшимъ примѣромъ гибельности для страны положенія, когда военный классъ, даже заключающій въ себѣ элементы либеральные, считаетъ себя въ правѣ рѣшать политическія дѣла страны, представляетъ изъ себя Испанія, которая въ теченіе всего XIX столѣтія переходитъ отъ либеральныхъ переворотовъ къ реакціоннымъ и въ которой политическая нравственность именно военнаго класса, высоко поднявшаяся было во время войнъ за освобожденіе отъ Наполеона, дошла теперь до самой низкой степени. Противоположный примѣръ представляютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, которыхъ населенія, хотя и должны были во время войны за освобожденіе выдѣлить изъ себя военный элементъ, но удержали его въ законной роли, постановивъ принципомъ своихъ конституцій положенія, въ родѣ слѣдующаго: „во всякихъ случаяхъ и во всякое время военная сила должна быть вполнѣ подчинена власти гражданской и управляема ею“. (§ 20 конституціи шт. Делавера. Подобное въ конституціяхъ Массачузеттса, Мерилендъ, Виргиніи, Сѣв. Каролины и др.).

Таковы соображенія, которыя казались намъ необходимыми для разъясненія и поддержки различныхъ положеній представленнаго выше проекта Устава. Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ общей практической его цѣлесообразности, относительно которой мы предвидимъ сомнѣнія даже со стороны многихъ изъ тѣхъ, кто одобрилъ бы теоритическія положенія этого проекта въ цѣломъ или въ частности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что проектъ этотъ, для своего осуществленія, предполагаетъ организацію довольно обширную по составу своему, энергическую и настойчивую по дѣятельности, и при томъ въ теченіе довольно значительнаго промежутка времени. Судя по примѣру политической жизни другихъ государствъ Европы, этотъ промежутокъ слѣдуетъ опредѣлить лѣтъ въ 10—15, при достаточно еще благопріятныхъ условіяхъ. Мы не обольщаемъ себя надеждою, что предполагаемая нами организація можетъ сразу же стать настолько обширною, насколько это необходимо для скорѣйшаго осуществленія если не всѣхъ, то хоть важнѣйшихъ изъ намѣченныхъ въ нашемъ проектѣ политико-соціальныхъ цѣлей. Напротивъ того, мы ожидаемъ, что самая сложность этого проекта, необходимость для его осуществленія обширныхъ средствъ и продолжительной дѣятельности оттолкнетъ отъ него многочисленные ряды тѣхъ, кто при всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ отличается свойствами, которыя необходимо долженъ былъ развить въ населеніяхъ Россіи долгій гнетъ царскаго деспотизма и централизаціи: а именно, съ одной стороны, недовѣрчивою пассивностью, а съ другой — лихорадочною нетерпѣливостью, въ обоихъ же случаяхъ узко-эмпирическою практичностью.

На сомнѣнія, которыя истекаютъ съ первой стороны, мы скажемъ, что все, происходящее на нашихъ глазахъ въ послѣдніе годы въ общественной жизни Россіи, показываетъ ясно невозможность для этой страны оставаться при нынѣшнемъ политическомъ и соціальномъ порядкѣ, а равно и то, что страна эта не выйдетъ изъ этого порядка (sic!) безъ энергическаго дѣйствія самого населенія къ его измѣненію. А потому

мыслящимъ людямъ въ Россіи остается или безотлагательно приступить къ такому дѣйствію, или терпѣть на себѣ и на дѣтяхъ своихъ всѣ послѣдствія своей пассивности. Не заходя далеко, — уже передъ послѣдней Балканской войной, множество людей, зрѣлыхъ возрастомъ, состоятельныхъ и вліятельныхъ въ извѣстныхъ кругахъ, сознавало необходимость большей части реформъ, которыя намѣчены въ нашемъ проектѣ, и многіе даже высказали это сознаніе прямо или косвенно въ печати и въ собраніяхъ, но только подъ разными предлогами не приступили къ организованнымъ и настойчивымъ дѣйствіямъ для практическаго осуществленія своихъ идей. Съ тѣхъ поръ уже прошло семь лѣтъ, половина срока, который можно назвать періодомъ дѣятельности политическаго поколѣнія и который предположенъ нами для дѣятельности нашего политическаго общества!

На сомнѣнія со стороны практицизма нетерпѣливаго, который соглашается дѣйствовать только тогда, когда онъ предполагаетъ немедленное осуществленіе широкаго плана, а иногда и мечты, или же хочетъ видѣть немедленные, наглядные результаты своей дѣятельности, хотя бы направленной только на одно явленіе, или даже на одно лицо, мы отвѣтимъ тоже указаніемъ на послѣдніе годы въ Россіи, когда столько мечтаній оказались неосуществленными и столько отдѣльныхъ практическихъ дѣйствій, даже моментально удавшихся, оказались въ сущности безрезультатными, потому прежде всего, что они являлись узко-практичными, не соображенными съ цѣлою системой дѣйствій, расчитанныхъ не на одинъ моментъ, не на одну категорію явленій. А между тѣмъ, пока разбивались мечты, да совершались опыты узкаго практицизма, ушло время ничуть не меньшее, чѣмъ то, какое нужно бы было для систематическаго дѣйствія по плану, соображенному столько же съ реальными условіями даннаго времени и мѣста, сколько и съ перспективою общаго движенія цивилизованныхъ странъ.

Какъ бы ни малочисленъ былъ вначалѣ кругъ лицъ, которыя бы задались цѣлью политической дѣятельности по подобному плану, сколь бы ни мало замѣтно

было начало ихъ дѣятельности, но сознательное и неуклонное исполненіе этого плана, по истеченіи извѣстнаго времени, не преминетъ повести за собою осязательные плоды, которыхъ не въ состояніи дать ни пассивная, ни торопливая эмпиричность. Повторяемъ, что и та, и другая въ нашихъ глазахъ слишкомъ натуральны въ населеніи Россіи, а потому мы напередъ знаемъ, что несмотря на то, что политическія идеи, которыя легли въ основаніе нашего проекта, раздѣляются весьма многими изъ нашихъ соотечественниковъ, практическая сторона этого проекта, т. е. предполагаемое нами политическое общество и его способы дѣйствій, какъ слишкомъ непохожіе на обычное поведеніе и дѣятельность различныхъ общественныхъ круговъ въ Россіи, не могутъ стать очень популярны сразу. Но мы всетаки не сомнѣваемся въ возможности успѣха предполагаемаго нами политическаго общества, какъ бы ни малочисленъ былъ вначалѣ составъ его, имѣя въ виду законъ, вѣрность котораго была столько разъ оправдана въ исторіи и который очень хорошо выраженъ въ слѣдующихъ словахъ Эрнеста Ренана:

Le moyen d'avoir raison dans l'avenir est, à certaines heures, de savoir se resigner à être démodé. (Чтобъ восторжествовать въ будущемъ, нужно, въ извѣстныя минуты, имѣть терпѣніе побыть не въ модѣ).